

Экстремальный *З* детектив

Ирина ПУШКАРЁВА

Часто альпийское
убийство,
или олигархи тоже смертны

«КРЫЛОВ»

Следствие ведет VIP-персона

Ирина Пушкарева

**Чисто альпийское убийство,
или Олигархи тоже смертны**

«Крылов»

2011

Пушкарёва И.

Чисто альпийское убийство, или Олигархи тоже смертны /
И. Пушкарёва — «Крылов», 2011 — (Следствие ведёт VIP-персона)

VIP-персона снова ведёт следствие! «Кремлёвская принцесса» сбрасывает маску Золушки и отправляется отдохнуть в Куршевель, чтобы развеяться после убийства любимого человека. На горном курорте собрались сливки московского бомонда – кинорежиссёры, политики, эстрадные звёзды и гламурные стервы обоих полов. В этом гремучем коктейле недолго пришлось ждать появления трупа в закрытом номере. Вызванный вести следствие детектив граф Д'Ансельм умеет обходиться с высокопоставленной публикой и старается не поднимать шума, чтобы избежать международного скандала. Героиня помогает ему по мере сил и на ходу учится у мастера своего дела. А потом карающий меч правосудия VIP-персоны обрушивается на российские просторы. За правое дело! Во имя любви!

© Пушкарёва И., 2011

© Крылов, 2011

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ирина Пушкарева

Чисто альпийское убийство, или Олигархи тоже смертны

Часть первая

«У каждого свои зеленые таблетки...»
И. А. Пушкарева, Я. В. Мальшев

Глава 1

А потом были похороны.
Странные, холодные, пустые похороны.
Похороны, которых вообще не должно было быть.
Все это было неправильно.

Ёлка зябко поежилась, поплотнее запахла легкую черную куртку и осмотрелась по сторонам.

Люди вокруг суетились, делали что-то, двигались, говорили приглушенными голосами, но их слова комьями зависали в воздухе, не достигая сознания собеседников, – или, может, только ей так казалось. Не могли же все эти солидные мужчины с озабоченными лицами говорить и не слышать друг друга...

Странные похороны.

Старое деревенское кладбище было оцеплено сотрудниками нескольких частных охранных фирм, в толпе мелькали мрачные личности в серых костюмах и с непроницаемыми лицами – они то и дело поправляли на себе крохотные микрофоны и не отходили от своих подопечных.

Тех, кто собрался проводить в последний путь молодого тренера, охраняли очень надежно.

Из припаркованных вдоль пыльной дороги лимузинов, мерседесов и кадиллаков выбирались заместители министров спорта, известные на весь мир чемпионы – бывшие соратники покойного, присутствовали даже два представителя правящей партии и несколько людей, чьи фамилии обычно печатают в популярном среди народа журнале «Forbes». Словом, публика собралась сплошь солидная и небедная.

А казалось бы – обычным парнем был погибший. Простым тренером – да, перспективным, да, работал не в детском кружке при Доме пионеров, а тренировал юношескую сборную России, но был, в общем-то, обычный, улыбчивый парень Валерка, и вдруг на похоронах у него вовсе даже не простые люди объявились. Приехали почтить память погибшего.

Человек пять журналистов, попытавшихся попасть на грустное мероприятие за сенсацией и сплетнями, деликатно оттеснили и почти вежливо выпроводили за охраняемую территорию.

Дорого одетый народ неторопливо стекался к свежевырытой могиле – кто-то откровенно скучал, кто-то – в основном это были молодые, спортивного вида ребята, их было большинство – совершенно искренне шмыгал носом и вытирал красные от слез глаза, а были и такие, кто ни на минуту не отрывал от уха мобильный телефон и, ничуть не смущаясь, решал проблемы с бизнесом и любовницами. Деловые люди – куда деваться...

– Батюшку надо было пригласить... – хриплым голосом проговорил кто-то за Ёлкиной спиной.

Девушка обернулась. Позади нее стоял невысокий толстенький человек в темно-сером костюме. В его идеально отполированной, чуть обрамленной на уровне ушей растительностью лысине отражалось солнце. Мужчина вздыхал, сморкался в гигантских размеров носовой платок и грустно смотрел куда-то перед собой.

– А Валерка был православным? – поинтересовалась Эллка у толстячка.

– А кто ж его знает? – пожал плечами лысый. – Но по-хорошему все равно следовало бы... А вы, девушка, кем Валерке приходиться? В смысле – приходились? Невеста, что ль?

Элка задумалась. А ведь действительно – кем они друг другу были?

Друзьями? Да вряд ли. Особенно если учесть, как отвратительно закончилась их последняя встреча. Ту злобу, ту агрессию, которую выплеснул на нее тогда Валерий, ни под каким ракурсом нельзя было назвать проявлением дружеских чувств.

А может, между ними все же начинались, как это принято называть в женских романах, – «отношения»? И был даже намек на развитие этих самых «отношений» – Валерка говорил об отпуске, о продолжении встреч. До тех пор пока не узнал, кто такая Ёлка на самом деле. «Надеюсь, больше никогда не увидимся!» – так, кажется, они попрощались?

Значит, просто знакомые? Но просто знакомым не звонят за тридевять земель и не просят срочно приехать! Настолько срочно, что... Эллка торопилась – как только он позвонил, она тут же сорвалась и, бросив все дела, рванула в Москву. Но – не успела. Валерка погиб. Наверное, «просто знакомым» не делают последние в жизни звонки?

– Я Валерке приятельницей приходилась... – Наверное, так будет проще. Нейтрально и ни к чему не обязывающе – просто приятельница. – Меня Эллой зовут. А вы кто?

Все понятно. Судя по тому, с каким удовольствием этот обаятельный лысый толстячок зацепился за беседу, ему просто нужна была компания. А разговор он весь этот затеял только для того, чтобы присесть на свободные уши. И ушами этими незанятыми оказалась Ёлка.

Хотя, если говорить честно, новому знакомому девушка даже обрадовалась. Надоело ей тут без компании торчать, как на привокзальной платформе. Тем более дядька очень даже интересным оказался! И крайне полезным.

– Васильев я. Сергей Геннадьевич, – приосанился толстячок. И пристально уставился на Ёлку. Мол, что, узнала?

Не, не узнала. Мало того, даже позволила себе спросить:

– И кем вы Валерию приходились? Друг семьи? Или коллега?

– Я тренер Валерия. Бывший, естественно, ведь в последние годы мой ученик меня даже превзошел. Тем не менее именно я раскрыл в мальчике его талант. Вывел, так сказать, будущую звезду российского спорта на большую дорогу!

– Ой, мне Валерка про вас рассказывал! – Эллка аж руками всплеснула. – Он говорил, что вы ему вместо отца были! Буквально спасли от улицы в свое время!

Необходимый в данной ситуации подхалимаж пришелся как нельзя кстати. Недоверие на лице тренера сменилось более приветливым выражением.

– Приятно, что бывшие ученики до сих пор лестно отзываются о своих старых учителях... – изрек Геннадьич. – Кстати, а вот ваши спутники, похоже, меня знают! Здравствуйте, молодые люди!

И он протянул здоровенную лапу для приветствия куда-то за Ёлкину спину. Девушка, завороченно следуя взглядом за движением его лопатообразной ручищи, обернулась – и увидела своих верных спутников – Женьку и Сашку.

Охо! А суровые Элкины телохранители, оказываются, умеют изображать почти благоговейный трепет! Ишь как замерли! Глаза распахнуты, рты приоткрыты от восторга! Прямо не грозные боевые машины, а юные фанаты Майкла Джексона на могиле своего героя!

Кстати, про могилы – как-то за светским трепом она и ее новый знакомый забыли о главной причине всеобщего сбора. Тем временем действие уже началось.

Народ, толпившийся у могилы, притих. Над кладбищем повисла тяжелая тишина.

Какое-то время люди неловко переминались, оглядывались и отводили друг от друга взоры. Никто не знал, как надо себя вести.

И стояли бы они так долго – чуть колышущейся безмолвной толпой, если бы не взял на себя функции руководителя церемонией некий представительный мужчина с траурной повязкой на рукаве.

Для начала он негромко прокашлялся и, когда все разом оборотили головы на звук этого «кхеканья», повернулся к лежавшему на каком-то непонятном постаменте открытому гробу и начал толкать речугу:

– Дорогой наш Валерий! Как тяжело понимать, что лучшие из нас уходят первыми...

– Это кто? – тихо, одними губами спросила Ёлка у бывшего тренера.

– Чиновник от какой-то партии. Бурундук канцелярский. У него должность такая – по всем мероприятиям таскаться и слова нужные говорить. Вот смотри – в конце речи он будет партию свою восхвалять. Это у них такой способ везде, где только можно, засветиться – по любому поводу выступать и пропагандировать.

И точно – после пространных речей о несправедливости судьбы и «горьких слезах, застилающих глаза», чиновник плавно перешел к основной части выступления – к восхвалению родимой партии. Мол, вот если бы мы были у власти – никогда не случилось бы подобного безобразия, ибо...

Чиновничья речь отупляла. И без того мрачное, похоронное настроение от этого пафосного надрыва стало невыносимым до головокружения. Боже мой, ну неужели чинуше совесть позволяет устраивать такой бездарный цирк на могиле молодого парня?

Валерка, замечательный светлый парень, спортсмен, умница – он же ни малейшего отношения не имел ни к политике, ни к вообще ничему грязному!

Ёлка задумчиво улыбнулась, вспомнив счастливые Валеркины глаза. Странно, но единственное их свидание она вспоминала часто. Несмотря на то что «отношения» так и не сложились, все, что было связано с Валеркой, теплой волной согревало сердце.

И даже тот скандал, который учинил он Ёлке, когда узнал, как она устроена в этой жизни, то есть про ее отца-министра, про ВИП-жизнь, про телохранителей и миллионы, – все это можно было понять. И простить! Ну не виноват был парень в том, что ему по жизни с богатыми женщинами не везло, – вот и не любил он их. И Ёлка под эту раздачу попала. Ее он поэтому тоже не полюбил.

А ведь, честно говоря, очень жаль, что ничего у них не получилось. Действительно очень жаль...

В голове не укладывается, что жизнелюбивый светлый человечек сейчас лежит в дорогом дубовом гробу, а вокруг стоят его друзья. И всем очень плохо. А этот бездушный чинуша усугубляет грустную обстановку своим нелепым и подленьким паясничаньем.

Что за политическое движение представлял мужчина с траурной повязкой, Эллка так и не поняла, потому что, во-первых, не особо прислушивалась, а во-вторых, договорить пафосному клоуну не дали. Подошли к нему двое крепких парней с мрачными лицами, аккуратненько подхватили под локотки и унесли куда-то в сторону.

Он, правда, попытался было что-то вякнуть, продолжить свою пламенную речь, но тут же тихонько всхлипнул, булькнул и затих. Наверное, слезы его задушили...

– А эти двое кто такие? – Ёлка наклонилась к уху тренера.

Одинаково высокие и широкоплечие парни с темными, коротко стриженными волосами и упрямыми подбородками, чуть вразвалку ступая, вернулись к могиле.

Похоже, старикан знал всех и вся. Ибо все, что происходило дальше, он, Валеркин первый учитель, тихо комментировал:

– Это Володьки. Ты не смотри, что они похожи, как родные братья, они друг другу совершенно посторонние. Тоже мои ученики. Я их в то же время, что и Валерку, тренировал. Эти трое по молодости между собой всегда конкурировали – и в спорте, и в жизни. За одни и те же места на пьедестале боролись, за одними и теми же девчонками ухаживали. Мы их «Вэ в кубе» называли, они всегда втроем ходили – два Вовки и Валерка.

Похоже, эти двое Вовок были настоящими Валеркиными друзьями. Убрав от публики партийного шута, ребята вернулись к могиле, потоптались неуверенно и вразнобой, со слезами в голосе сказали последние слова своему товарищу.

– Валерк... – всхлипнув, начал первый Володя.

– Ты того... Ты чего ж так-то... – поддержал его Володя-второй.

– Мы ж... А ты... – Пока второй шарил по карманам дорогущего пиджака в поисках платка, первый положил руку на край гроба и заглянул в лицо словно бы спящему Валерке.

Дальше они продолжить не смогли – оба давились рыданиями. Они стояли рядом, как две скалы, огромные, мощные, и молча плакали...

– Давай, мужик... Свидимся... – выдавил наконец Вова-первый и осторожно положил руку на белый атлас, покрывающий тело.

Вот тут-то, похоже, до всех и дошло, какое горе случилось. Слезы катились по щекам – мужики плакали и не скрывали своих слез – ни от себя, ни от окружающих.

Они друга потеряли... Им всем больно было.

Еще один мужчина, вышедший сказать последнее слово, едва сдерживался.

– Семеныч. Это он Валерку на работу с юношеской сборной протащил, – пояснил Ёлке старый тренер. – Хороший мужик, наши его все уважают очень.

Тот, кого звали Семенычем, говорил недолго, но каждое его слово, тяжелое, как кусок гранита, отзывалось болью в сердцах людей, стоящих вокруг.

Потом говорили Валеркины друзья и соперники, коллеги, ученики – совсем молодые, но крепкие и серьезные ребята. И всех их знал и про всех тихонечко рассказывал Ёлке Сергей Геннадьевич.

И вдруг... вдруг по толпе волной пробежал ропот. Тихий – но гневный. Злобный.

– Ты посмотри на нее! – зашипел на ухо Ёлке тренер. – Притащилась все-таки! Уж после смерти могла бы парня в покое оставить! Принесла ее нечисть!

У гроба, проваливаясь высоченными каблуками в вязкую почву, колыхалась стройная и не к месту экстравагантная девица. В совершенно нелепом, длиннющем – аж подол по желтой глине волочился, – расшитом черным жемчугом платье, в огромной, скрывающей лицо шляпе – и до кучи укутанная в плотную, ниспадающую с полей шляпы вуаль.

– Это что за Стервелла? – может, чуть громче, чем надо, поинтересовалась Ёлка у Сергея Геннадьевича.

Похоже, существо в нелепом трауре ее услышало – поля головного убора взметнулись. Ёлке даже показалась, что под плотной вуалью вспыхнули хищные глаза, – такой ненавистью повеяло от женщины в черном!

– Маргарита, бывшая жена Валерки. Уж сколько она из бедного парня крови выпила! – пояснил Геннадьевич. – Не удивлюсь, если это всё, – он кивнул в сторону гроба, – ее рук дело!

Ёлка непонимающе уставилась на тренера:

– Так они ж вроде довольно давно развелись, разве не так?

– То-то и оно... Только вот эта дрянь ему до последних дней покоя не давала. Стерва избалованная, так и не смогла простить Валерке, что он ее бросил. Как же так: какой-то трене-ришка – и ее, звезду... – (тут старый тренер позволил себе крепко выругаться) из дома вышвырнул, как кошку драную!

Ах вон оно что! Вот кто эта особа, из-за которой у них с Валеркой ничего не получилось! Ну-ка, ну-ка, покажи, что ты из себя такого представляешь, что у парня на всю жизнь ненависть к тебе подобным осталась?

– Ритка всякий раз, как напивалась, начинала Валерке названивать и угрожать. Что он только ни делал – и номер телефона менял, и на звонки не отвечал – ничего не помогало. Сколько раз прикатывала пьянучая со своими охранниками и ломала двери квартиры, швыряла камни в окна, с ножом за соседями бегала! – продолжал шептать Ёлке на ухо тренер.

А бывшая жена тем временем у гроба заламывала руки:

– Любимый! – выла она хорошо поставленным низким грудным голосом. – Наша любовь не умрет!

О как! Не умрет, значица... Сильно... Трагизму через меры...

– И что, никак ее успокоить нельзя было? Понятное дело, не в милицию, конечно, обращаться, но ведь как-то же можно было ее урезонить? – меньше всего желая слушать стенания несостоявшейся вдовы, Элка прицепилась к разговорам к тренеру.

И тот с удовольствием продолжал сплетничать:

– А что ты с ней сделаешь? Валерка как-то попытался с отцом ее, ну, то есть со своим бывшим тестем, поговорить – так тот вообще пообещал бедного парня пристрелить. У папы такой же несозвон с головой, как и у Ритули. Семейное это у них! Так что отец дочуру урезонивать не собирался, а у девки тормозов не было никогда... Вот бедный Валерка и мучился. Он из-за нее женщин вообще бояться начал!

«Да знаю я...» – пробормотала себе под нос Элка.

Странно, поля черной шляпы опять взметнулись – экс-супруга покойного прервала свою пламенную речь и уставилась на Ёлку. Да ладно, не могла же она этих слов услышать! Вон даже тренер ничего не разобрал, а ведь совсем рядышком стоит! А уж эта девица, за десять-то метров, – ну никак ничего слышать не могла!

Ну а чего ж она тогда так отреагировала? Непонятно как-то... Вот прям мистика в чистом виде, ей-богу!

– Да ладно, не думаете же вы, что она на самом деле могла его убить? – Ёлка, уже почти не таясь, приставала с вопросами к словоохотливому толстячку. – Все женщины периодически угрожают любимым мужчинам – кто убить обещает, кто себе демонстративно вены вскрывает, но до дела-то только единицы доходят! Вот чего такого ужасного может эта курица устроить сильному здоровому парню?

– У этой, как вы изволили выразиться, девушка, курицы в подчинении свора безбашенных охранников. Почти у каждого из этих цепных псов есть справка о психических заболеваниях! Ее папаша специально таких уродов на работу набирает – людей с диагнозами. И делается это для того, чтобы в случае возникновения проблем с законом преступник вышел сухим из воды. Мол, да, убил. Да, покалечил. Но у меня справка есть – и поэтому мне ничего за это не будет! И ведь что странно – эти официально сумасшедшие хлопчики совершенно беспрекословно подчиняются Ритке и ее папаше. Причем поговаривают, что дочь охранники боятся намного больше, чем главного своего хозяина... Господи, да когда ж она заткнется-то!

Тренер был готов сорваться на крик – и, похоже, не он один. У всех мужчин, стоявших вокруг могилы, желваки ходили ходуном, но сделать никто ничего не мог. Потому что рядом с заламывающей руки девицей переминались двое доберманов – никак иначе нельзя было назвать остромордых, жилистых охранников с нездоровым, вовсе неуместным на кладбище азартом в глазах.

Похороны грозили превратиться в дешевый паноптикум. Атмосфера накалялась.

Первой не выдержала Ёлка:

– Я не понимаю, что тут происходит! Неужели все эти здоровые мужики не могут надавать по башкам одной истеричке и парочке ее безумных приятелей?

Все разом обернулись, услышав ее возмущенное шипение. Тренер с тяжелым вздохом ответил:

– Попробуй их сейчас тронь... Знаешь, что потом будет!

– Да ничего не будет! – Ёлка уже говорила в голос. – Закопать их всех прямо тут, благо место подходящее, и никому не рассказывать. Хрен знает, куда они все делись – заблудились на кладбище, в могилы сослепу попадали, ноги переломали и вылезти самостоятельно не смогли. А то, что их земелькой присыпало, так ветер сегодня сильный, замело потерпевших!

То ли слишком громко она это сказала, то ли подобные мысли давно у всех присутствующих в головах зрели, но только после этих слов народ начал вдруг как-то очень активно теснить бывшую супругу вкуче с ее телохранителями.

– Уходим.

Ого! Оказывается, когда эта курица перестает стенать и придуливаться, ее голос звучит просто отвратительно! Холодно и остро, как бритва, и с легкой, царапающей слух хрипотцой, словно эта бритва затупилась и теперь очень неприятно скрипит, вместо того чтобы беззвучно резать.

Два раза «ого»! Доберманы, охранники которые, они что, с трех до двадцати семи лет в армии служили? Это ж сколько лет дрессуры и занятий строевым шагом необходимо, чтобы так синхронно развернуться по команде злобной хозяйки и рысью – шаг в шаг! – поскакать куда-то в сторону! При том, что это самое пресловутое направление «куда-то в сторону» им никто не указывал! Просто одновременно сорвались с места и ноздря в ноздю, словно по невидимой нити, пошакалили в далекую даль – на выход с кладбища.

– Наконец-то уползла, змеюка, – облегченно выдохнул тренер. – Слушай, а тебя как зовут-то, девонька? Ты с Валеркой прощаться пойдешь? Ты вообще кем ему приходишься? Зачем приехала?

Ёлка чуть помедлила, а потом честно призналась:

– Да почти никто я ему, дядь Сережа. Случайная знакомая. А здесь я почему? Валерка мне позвонил, попросил срочно приехать. Я и приехала. Срочно. Но... опоздала. Опоздала я...

Глава 2

– Так что, если быть до конца окрр... окрт... окрто венными... короче, вот не верю я, что Валерка наркоманом был! – Старый тренер пьяненько, но довольно сильно приложился кулаком по крышке ресторанного стола. – Но! – Он задрал указательный палец в потолок. – Но вот от передоза умереть мог. Он у меня не первый такой...

Мда, похоже, ему больше наливать не следовало. Впрочем, как и большинству присутствовавших на этих странных поминках.

Казалось бы, все ж кругом спортсмены, сильные, накачанные мужики, а напивались как дети малые. То есть настойчиво, упрямо – и бестолково.

И с каким-то нечеловеческим азартом.

Но если остальные участники грустной вечеринки под названием «поминки по ушедшему другу» пили тихо, меланхолично и сосредоточенно – чтобы боль заглушить, чтобы хоть немножко отпустило, то старый тренер надринкался так шустро и буйно, что Элка просто диву давалась: куда столько влезает?

За последние полчаса на ее глазах он скушал поллитра «белой». И с каждой рюмкой Сергей Геннадьевич становился все более словоохотливым.

– Ты пойми, березонька... – Услышав, как один из телохранителей называет Элку Ёлкой, старый тренер принялся склонять имя девушки как только ему заблагорассудится. – Пойми, девонька... Они же мне все как дети! И ведут они себя почти все одинаково. Сначала, по молодости, они ж, кроме спорта, ничего не видят! Живут в спортзале, тренируются, каждой победе радуются как последней! А потом все идет по накатанной дорожке. Где победы, там деньги. А у бойцов это обычно деньги немалые, они же, кроме официальных соревнований, частенько на коммерческих рингах подрабатывают, а там гонорары за победы очень неслабые!

Сергей Геннадьевич очень художественно развел ручищами, изображая те огромные кучи бабла, которые попадают в руки удачливых спортсменов.

Ага. Кому-то бабло, а кому-то холодный кафель прозекторской.

Ёлку аж передернуло от жутких воспоминаний. Господи, это опознание она никогда не забудет.

– Сашк, а Сашк... А может, мы как обычно все сделаем? В смысле, ты сам сходишь, все посмотришь и мне потом расскажешь? Мне туда чего-то совсем идти не хочется...

Элка стояла в холодной, выложенной серо-неровным кафелем комнате, – как там у них в моргах эти прихожие называются? – и откровенно скулила, дергая телохранителя за рукав.

Страшно было так, что от ужаса скулы сводило! Или, может, это ее от холода тутошнего так подколбашивало?

– Элла Александровна, я бы с удовольствием, но увы. Во-первых, майор попросил именно вас поучаствовать в опознании, а во-вторых... – Сашке было откровенно жаль девчонку, но он действительно ничем не мог ей помочь. – Да хрен с ним, с «во-вторых»! Элла Александровна, вы просто представьте, что это куклы. Не покойники, а обычные пластмассовые куклы. Манекены! И вам просто надо посмотреть, похож ли тот, кого вам покажут, на... – Сашка пристально посмотрел Ёлке в глаза и продолжать не стал. Он осторожно приобнял девушку и тихонько, как бы убаюкивая, прошептал: – Ну не бойся. Я рядом буду. А когда я рядом, тебе не может быть страшно. Я тебя от всех защитю.

– Защищу... – так же шепотом поправила Элла, глубоко вдохнула и ровным, спокойным голосом обратилась к стоявшему рядом санитару: – Давайте уже пойдем посмотрим. Где у вас тут опознания проводят?

Они шли по длинному гулкому коридору – возглавлял колонну мурлыкающий песенку санитар, за ним печатал шаг милицейский майор в накинута на плечи несвежем халате, следом шлепала, нервно подпрыгивая, Элка, и замыкал шествие спокойный как танк Сашка.

Кстати, выглядел он презабавно – халата его размера в печальном заведении не нашлось, поэтому на него нацепили то, что было. И выглядел теперь грозный телохранитель странновато – словно средних размеров слон, прикрытый скомканным носовым платочком.

– Вы узнаете этого человека?

Бесстрастный голос милиционера отдельными словами зависал в воздухе, никак не складываясь в предложения.

– Элла Александровна, вам нехорошо?

– Естественно, мне нехорошо. Меня в моргах редко радостная эйфория накрывает... – передернувшись, прохрипела Элка.

– Вы можете отвечать на мои вопросы? Вы узнаете этого человека?

– Да. Могу. Да. Узнаю. – Каждый звук давался Элке очень нелегко. Но она прекрасно понимала, что чем раньше ответит на все вопросы, тем быстрее закончится этот кошмар.

Майор требовательно уставился на девушку.

– Это... – Ёлка в очередной раз глубоко вздохнула, впустив в легкие холодный, неприятно пахнущий воздух, и четко, как солдат, отчеканила: – Это Валерка. Петров Валерий Андреевич. Какого-то там года рождения. Все. Выведите меня отсюда, а то я головой об кафельный пол ударюсь, когда в обморок буду падать.

Вывалившись из дверей здания морга, Элка рухнула на руки подхватившего ее Женьки и, всхлипывая, прокашляла:

– Господи, ну я-то вам зачем понадобилась? Я же ему не родственница и даже не хорошая знакомая! Мы с Валерием виделись-то всего три раза! Неужели обязательно надо было меня сюда тащить и весь этот паноптикум устраивать?

Майор понимающе пожал плечами, как бы извиняясь за происшедшее:

– Дело в том, что последний исходящий звонок, сделанный с телефона покойного, был на ваш номер. А последний входящий – с телефона, зарегистрированного на какого-то гастайбайтера, найти которого просто нереально. Вы не знаете, у него были знакомые гости из солнечного Узбекистана? Поймите, потерпевший был довольно известным человеком, это дело на особом контроле... Мы просто обязаны проверить все версии! – Он вздохнул, развел руками и зачем-то добавил: – Хотя, на мой взгляд, тут все совершенно понятно. Труп нашли в его квартире, следов взлома нет, ничего не похищено, все вещи на месте. Покойный сидел в кресле, рядом лежал шприц с остатками наркотического вещества. На руке – свежий след от инъекции. Словом, обычный передоз – и все. Никакого криминала. Случайная смерть. Так что извините, что вам пришлось пройти через эту неприятную процедуру. Это необходимая формальность! И потом – мы же не знали, что вы... – майор замялся, подбирая нужные слова, – не простая девушка... Если бы знали – не посмели бы потревожить. Обошлись бы как-нибудь.

Как ей в тот момент удалось сдержаться – непонятно. Потому что очень хотелось разораться, выматериться, брызгая слюной в лицо этому служаке, – высказать все, что было на душе! Вот ведь скотина, а! Он же только что рассказывал, что вся эта ужасная процедура опознания совершенно необходима, что через этот кошмар обязательно надо пройти, у них, видите ли, следствие... И вот оказывается, что если свидетель – дочь министра, то следствие могло бы прекрасно и без Ёлки обойтись! Определились бы уже, шкуры продажные, в степени необходимости неприятных процедур для лиц различных социальных уровней!

Твари подхалимные, продажные твари! Злоба застилала глаза, очень хотелось выплеснуть ненависть, всё, что кипело внутри... Но – Элка не разоралась, не выматерилась, а спокойно ответила на вопросы:

– Где и когда вы познакомились с Валерием Петровым?

– На дискотеке, случайно.

– В каких вы были отношениях?

– В приятельских, виделись всего пару раз.

– Зачем он звонил вам перед смертью?

– Спрашивал, когда я приеду в Москву.

– Вы знали, что потерпевший употреблял наркотики?

– Нет, Валерий был спортсменом, он не употреблял наркотики, по крайней мере мне об этом было неизвестно.

– Вы можете сообщить что-либо еще, что могло бы помочь следствию?

– Нет.

– А может, у покойного был повод для самоубийства?

– Нет.

Нет, нет и еще раз нет. Жить, и жить, и еще раз жить были тысячи поводов у покойного...

– И вот чего им, молодым и богатым, не живется? Им же все в руки плывет!

Нетрезво всхлипнув, старый тренер смахнул блеснувшую на щеке слезу, поймал взглядом глаза Шурика и потребовал:

– Налей-ка мне еще, сынок. Кстати, а мы с тобой нигде раньше не встречались? Уж больно лицо у тебя знакомое...

– Вы меня на соревнованиях видели, Сергей Геннадьевич. Я в свое время хотел у вас тренироваться, но не получилось. Мы с Валеркой хорошо знакомы были, даже бились с ним как-то.

Вот откуда у Шурика столько терпения? Если бы Ёлка ему один и тот же вопрос в течение получаса шесть раз задавала, он бы уже изнервничался и огрызаться бы начал. А тут смотрите-ка – сидит, водочку уважаемому мастеру спорта подливает и терпеливо одно и то же, как попугай, повторяет! Да еще и смотрит на него с таким обожанием, что розовато-лиловые флюиды нежности по залу разливаются.

– Вот! Я же говорю! – в очередной раз воздел палец к потолку нетрезвый тренер. – Все они мои дети! Все меня знают! И я их знаю как облупленных! А они, подлецы, наркоманичать начинают!

Очередной «бумс!» по многострадальной столешнице.

В этот раз он звезданул кулаком так сильно, что посуда на столе подпрыгнула и зазвенела. Около десятка нетрезвых суровых мужчин воззрились на источник шума. На Геннадьича то есть.

– Сергей Геннадьич, вы же нам всем тут родной человек.

Да итиская-то сила!!! Ну разве ж можно так???

Глубокий, хорошо поставленный баритон так неожиданно прозвучал за Ёлкиной спиной, что девушка от испуга взвизгнула и подскочила на стуле. Шустро так подскочила, высоко. Откуда только прыть взялась!

И вот что интересно – подскочить-то она подскочила, а на стул обратно приземлилась (приступилась?) как-то очень медленно и мягко. Неужели наступила та стадия опьянения, когда ощущения притормаживаются? Да вряд ли, она ж сегодня практически не зупотребляла, так, опрокинула пару стопок «за упокой» и все, остановилась. Так с чего же тогда организм такие странные ощущения накрывают?

Все оказалось довольно объяснимо.

Во-первых – это просто за ее спиной Вова-один и Вова-два хором говорили. Поэтому и прозвучали их голоса так странно-пугающе. А во-вторых, они же, то есть эти оба Вовы, на

взлете Элку зачем-то подхватили остороженько с двух сторон, поэтому попу на стул девушка опускала уже не самостоятельно, а повиснув на руках здоровых парней.

– Что ж вы, девушка, так скачете? – грустно посмотрел сверху вниз Вова-два.

– Так ведь и убиться недолго, – поддержал товарища Вова-раз.

И хором:

– А вы кто? И чего тут делаете? – и тут же, не меняя выражений лиц и интонаций голосов:

– О, здоро'во, Саня. Здоро'во, Жека. Горе-то какое! – И прямо через Ёлкину голову полезли к телохранителям обмениваться рукопожатиями и ритуальными объятиями с похлопыванием по крепким спинам.

Зажатая крепкими мужскими телами, Элка попыталась было пискнуть, но воздуха ей не хватило. Побратавшись, мужчины раздвинулись, и полупридушенная Ёлка с жалобным мямканьем рухнула на стул.

Оказалось, что ее телохранителей тут практически все знали.

Они вообще все тут друг друга знали. Кто-то с кем-то бился, кто-то тренировался, кто-то, как Сашка с Женькой, работали вместе. То есть Ёлка попала на некий сбор однополчан – просто по очень грустному поводу.

Вовы перекинулись парой фраз с Ёлкиными телохранителями и, не долго думая, перетаскивали свои стулья от дальнего столика к тому, где заседала теплая компания – Элка, телохранители и старый тренер. Туда же вместе со стульями, снятыми пиджаками и мужчинами перекочевало несколько бутылок спиртного.

– Да ладно, Сергей Геннадьич, чего уж вы на Валерку наговариваете! – гудел Вова-один. – Вы же его как облупленного знаете, он же к этой дури никогда не прикасался!

– Ну да! Он же даже не пил практически. А уж герычем баловаться – вообще никогда такого не было! – так же гулко поддержал товарища Вова-два.

Тренер поднял на близнецов мутные от алкоголя глаза, удрученно покачал головой и спросил:

– А Славка? Который два года назад так же от передоза умер? Про него можно было подумать, что он наркоман?

Все четверо грустно замотали головами. Типа не, не можно.

– А эти два придурка, прости Господи, которые, удалбанные, на машине разбились? Тоже ведь оба мастера спорта и чемпионы! Вскрытие чего показало? Что они не то что думать, они видеть не могли, столько в них кокаина было! Все вы, слышите? Все вы рано или поздно звездить начинаете! Колеса жрете, кокаин нюхаете, красивой жизни ищете! А я вас хороню, дураков! У меня же сердце за каждого из вас кровью обливается! Сведете вы меня в могилу!

Старый тренер попытался схватить за грудки сидевшего рядом одного из Вов, но промахнулся, всхлипнул и зарыдал, спрятав красное от алкоголя лицо в белоснежную рубашку на Володиной груди.

Мужики хором вздохнули.

Сашка с Женей переглянулись, встали из-за стола, подхватили тренера под руки и осторожно куда-то поволокли.

– Куда это они его? – обеспокоенно завертелась на стуле Ёлка. – И чего это они меня тут одну оставили?

Не изобразив на лице ни единой эмоции, Вова-два, сидевший слева от девушки, пояснил:

– Они его сейчас на диванчик устроят, он часик поспит и опять в норме будет. С Геннадьевичем такое бывает – перенервничает, выпьет лишнего и раскисает. Здоровье-то уже не то.

– А тебя они не одну оставили. Пока мы тут, ничего с тобой не случится. Мы свое дело знаем, – добавил Вова-два. – Не переживай, вот они, твои архаровцы, уже управились.

И потек разговор. Чуть нестройный, сбивчивый, прерываемый грустными опрокидываниями без тостов. Разговор старых знакомых.

– А вы чего клиента с собой притащили? – занюхав бутербродом очередные пятьдесят грамм, поинтересовался у телохранителей Володя-второй. – Или это не клиент?

– Клиент. – Трезвый Жека с улыбкой посмотрел на притихшую Ёлку. – Но это мы с ней сюда пришли. Валерка – ее хороший знакомый.

Слукавил малость, конечно, подлец, уж кто-кто, а он-то знал, что «хорошими» знакомыми Ёлку и нынешнего покойного назвать уж никак нельзя было!

– Да ладно!

К столу начала подтягиваться публика. Со своими стульями, рюмками и бутылками. Человек, скептически заявивший «Да ладно!», оказался уважаемым всеми Николаем Семенычем, Ёлка его на кладбище видела. Довольно высокий, лет пятидесяти мужчина с совершенно седыми волосами. Тот самый, который Валерку в свое время на работу с юношеской сборной переташил.

– Что значит «да ладно!»? – Ёлка решила влезть в разговор.

– Не было у него знакомых женщин. Ну, то есть были, но только по работе. Он после Ритки баб вообще терпеть не мог. А тут вы, такая хорошенькая! Вранье это все. Так что – кто вы, девушка? – Семеныч чуть отодвинулся, окинул Ёлку взглядом и недоверчиво прищурил холодно-голубые, с серым стальным оттенком глаза.

Блин, ну и что теперь? Доказывать каждому встречному, что они с женоненавистником Валеркой всего один раз на свидание сходили?

– Я Элла. С Валеркой мы действительно были знакомы.

– Мужики, – Семеныч указал взглядом на телохранителей, – на тебя работают?

Ёлка кивнула. Непонятно чем успокоенный, Семеныч удовлетворенно кивнул, разлил по емкостям спиртное и коротко изрек:

– За Валерку. Хороший парень был.

Выпили. Помолчали.

– И все-таки, что бы ни говорил Сергей Геннадьевич, я не верю, что Валерка сам себе герыч вколол.

Похоже, старый тренер тут для всех был абсолютным авторитетом. Вон Сашка, уже «тепленький», а имя-отчество старикашки полностью и с пиететом выговаривает!

– А может, все же сам? Не мог же ему никто насильно наркотик вкатить! Лерка ж вам не пацан какой, он бы не дался. А следов борьбы, менты говорят, нет никаких. И замок не взломан. Получается, что сам...

Женька, присутствовавший при разговоре Ёлки с майором, был несколько в курсе подробностей произошедшего.

Помолчали немножко. А потом один из Вовок мрачно заявил:

– Да Риткиных это рук дело. Сто пудов. Она в последнее время ему вообще житья не давала. И папаша ее тоже. Говорят, он недавно среди своих друзей орал, что собственными руками бывшего зятя задушить готов.

– Слушайте, ну вот что за бред вы несете?! – Ёлке вся эта катавасия с преувеличением угроз Ритки и ее папеньки уже надоела. – Ну не Средневековые же на дворе! Поорал мужик, поугрожал – с кем не бывает! Это же не повод человека в убийстве подозревать!

Мужики уставились на нее, как на розоватого пришельца с Юпитера. То есть с изумлением и легким непониманием.

– Не знаешь ты этого уroda. У него мозг вообще отшиблен! Напрочь. Даже спинной. Ему человека замочить – как задницу почесать. И если он сказал, что убьет, значит, убьет. И ничего ему за это не будет.

– А может, Валерка действительно сам... – осторожно предположила Ёлка.

Народ помолчал. Разлили по рюмкам. Выпили – без тоста и без чоканья. Еще немного помолчали.

А потом Семеныч веско подытожил:

– Сам Валерка не мог. Не такой он был. Убили его. Это однозначно. Кто? Может, Ритка или ее папаша. Может, еще кто-нибудь, кому он на хвост наступил. Но мы этого никогда не узнаем. Раз так чисто сработано, значит, серьезные люди этим занимались. Таких никогда не находят. Так что проще считать, что он сам. Вот так-то, девонька. Вот так-то...

– Всё. Задолбали. Оба. Видеть вас больше не хочу. Никого вообще видеть не хочу. Надоели. И вы надоели, и покойники надоели, и криминал весь этот тоже надоел. Ухожу я от вас.

Элка металась по комнате и остервенело запихивала в дорогуший стильный чемодан все, что попадало ей под руку – кроссовки, купальник, выдернула из ноута шнур акустической колонки – и ее, родимую, тоже в саквояж ногой утрамбовала. Колонку в смысле.

– Никто меня не любит. Злые вы. Уйду куда глаза глядят. – Она замерла посреди комнаты, осматриваясь, чего бы еще такого жизненно необходимого взять с собой в дорогу.

Удобно устроившиеся в огромных низких креслах по разным углам комнаты, телохранители меланхолично кивнули, соглашаясь с хозяйкой. Они всегда так в моменты Ёлкиных приступов неконтролируемого идиотизма себя вели. Молчали по углам и головами не в тему покачивали. Правда, иногда остроумные реплики подкидывали.

Как вот сейчас, например:

– Далеко собираетесь-то, Элла Александровна? Вам такси заказать или вы до соседней комнаты сами чемодан допрете?

– Почему до соседней комнаты? – подозрительно глядя на флегматично рассматривающего ногти Женьку, поинтересовалась разбушевавшаяся Эллка. – Я вообще-то от вас в даль далекую сваливать собралась.

Евгений устало-язвительно вздохнул, оторвал взгляд от маникюра и пояснил:

– Просто я даже представить себе не могу, где, кроме как в соседнем помещении, вам весь этот набор, – он ухмыльнулся, кивнув на чемодан, – понадобится. Ибо уезжать куда-то далеко с этим странным скарбом бессмысленно, а вот ежели вы решили перестановку в квартире сделать и барахлишко по хате пораскидать, то это совсем другой расклад получается, давно пора в комнате уборочку навести. Вот вам, собственно, на фига два тома Белинского в дороге?

О, точно! Из баула торчали синенькие, с позолотой корешки! А действительно, на кой леший она их туда запихала? По запаре, наверное... Но отступить было не в Ёлкиных правилах!

– Читать я их буду! – Балетная позиция «А вот чё?».

– А-а-а... Белинского, значит... Читать, значит... Хотя что с ним, с корифеем, делать-то еще. Только и остается, что читать. Хорошо, допустим. А вот шарф вы с собой зачем прихватили? На дворе вообще-то плюс двадцать пять. Или вы пингвинов навестить собираетесь? Белинского им на досуге почитать? Вслух и с выражением? Говорят, пингвины это дело страсть как любят!

Мда... А вот с шарфом она действительно погорячилась... Он совершенно лишний в этом наборе... Интересно, где она его вообще откопала? Все зимние вещи в гардеробной же складировались! Похоже, бардак в ее комнате перерос все разумные пределы.

– А я... я... А я в Альпы поеду! На лыжах кататься! На горных! В Куршевель какой-нибудь! – Балетная позиция «Ясно вам? То-то же!». – Я от вас уезжаю кататься на горных лыжах! В горы!

Похоже, телохранителям этот спектакль надоел. Я бы даже сказала, достал он их, этот спектакль.

Женька с протяжным стоном поднял свое туловище из глубокого кресла и промычал:

– Да ты что? В горы? Кто бы мог подумать – в горы на горных лыжах кататься! Ты тогда высыпай все барахло из чемодана и грузи туда гипс медицинский, в пакетах, спортсменка ты наша! Кататься она собралась! На лыжах! Тоже мне, мама дяди Федора!

– А ты вообще в курсе, что летом на лыжах даже во Французских Альпах не катаются? Лето там, травка зеленая и пчелки над полевыми цветами жужжат!

И ты там со своим шарфом будешь выглядеть... ну, скажем так, нелепо! А если прямо говорить – то как дура ты там будешь выглядеть. Ты еще варежки не забудь, чтобы уж наверняка над тобой местные коровы поржали. – У терминатороподобного телохранителя Сашки нервы были чуть покрепче, чем у напарника, но и он в конце концов не выдержал. И, соответственно, глумиться принялся. Ага, про шарфик, про варежки...

Шурик звонко хлопнул себя по коленям и закатил глаза.

Это-то Ёлку и отрезвило. Одно дело – заводного Жень ку на скандал спровоцировать и совсем другое – Шурика до возмущенно-издевательских интонаций довести. Ибо вывести из себя флегматичного Александра – дело почти безнадежное. И уж ежели спокойный Шурик завелся, то пора истерику прекращать. Палка уже перегнута. Пора брать себя в руки и успокаиваться.

Честно говоря, отношения с телохранителями, то есть, в сущности, с прислугой, у нее сложились какие-то неправильные. С невысоким, шустрым Женькой более демократичные, со здоровенным Саш кой – посдержанней, но все равно более близкие и доверительные, чем это обычно между хозяйкой и обслуживающим персоналом полагается. Естественно, на людях все трое держали дистанцию, мужики ей почтительно «выкали», а Ёлка свысока отдавала приказы, но вот, когда теплая компания оставалась без свидетелей, вели все трое себя почти на равных.

С Элкиной точки зрения, это было нормально – вообще-то мужчины жизнь ее берегут, себя подставляют, чтобы хозяйку не зацепило, да и находятся они рядом с ней почти круглосуточно, так ведь это ж невыносимо было бы постоянно на официозе общаться. А телохранители к Ёлке успели привязаться настолько, что относились к ней скорее как к младшей любимой сестре, а не хозяйке, поэтому и шкуру ее берегли от чистого сердца и самозабвенно.

И, соответственно, позволяли себе обращаться с ней, как с младшей сестрой. Любимой, конечно, но порою такой бестолковой!

Вот и сейчас, находясь втроем в одной комнате, разговоры они вели ну никак не официальные. Элка по комнате носилась, орала и крышкой чемодана хлопала, а мужики по углам сидели и тихо над ней подглумливались.

– Эл, тебя чего так подорвало-то? – Александр подошел к девушке и заглянул ей в глаза.

– Да тошно мне чего-то... – пожал плечами Ёлка, глядя на Шурика снизу вверх. – Мне Валерку очень жалко. Я вообще не понимаю, как с ним такое могло случиться! Вот ты же тоже не веришь, что он сам себе эту дрянь вколол? И я не верю. Не такой он был человек.

Женька присел перед набитым ненужным хламом чемоданом и принялся флегматично по одной штуке этот самый хлам из баула вытаскивать – предварительно каждую ненужную вещь рассматривая, пока я языком и покачивая головой.

– Да никто в это не верит. Валерка действительно не мог. Вова-первый – мог, он у нас иногда срывается и глупости всякие творит. Даже я бы мог – у меня тоже редко, но бывает, что планка падает. А вот Валерка – не мог. А ты зачем с собой утюг брать собралась? И ты где его вообще взяла? – проговорил он.

– Утюг? Какой утюг? – не сразу сообразила Элка.

Евгений двумя пальцами за шнур, словно дохлую мышь за хвост, вытащил из чемодана небольшой дорожный утюжок.

– А! Утюг! Наверное, чтобы гладить. А взяла я его где-то здесь, в комнате. А что?

– Да ничего. Это я просто так спросил. Ты и утюг редко в одном месте в одно время пересекаетесь. Ух ты! И ножик в дорогу прихватила! Это-то тебе зачем? В Альпийских горах дорогу себе прорубать?

Женька вытащил из кучи тряпок давешний кард – острый как бритва клинок, бережно упакованный в ножны. Вещь эту Женька очень уважал и постоянно у Элки кланчил – то подарить просил, то выкупить пытался. Ёлка стояла как стена и на уговоры не велась.

– Зачем ты его с собой взяла? Не дай бог потеряешь или на таможне отберут!

– На таможне не отберут. Мы ж не абы какие пассажиры гражданские. И не потеряю. Я ж не дура. – Элка осторожно вытащила из цепких пальцев телохранителя клинок и, смущенно опустив глаза, призналась: – Я хочу научиться с ним обращаться. Не просто махать, как косарь вилами, а как профессионал. Как его прежний хозяин.

Мужики переглянулись. Все понятно. У хозяйки очередная придурь. А так как девушка она у них упертая, то, пока своего не добьется, не остановится. Ну, или пока не станет на заслуженного фрезеровщика похожа – в смысле, половину пальцев себе не поотрубит.

Так что новая проблема. Картина – «Девушка и нож. Часть вторая».

Глядя на саркастически-глумливые физиономии телохранителей, Ёлка поняла, что надо срочно менять тему разговора, а то сейчас начнется гундеж и издевательства. И ляпнула первое, что пришло в голову:

– А что, в Куршевеле сейчас действительно снега нет? Чего там вообще в это время года творится?

То ли она действительно удачно вопросец подкинула, то ли деликатные мужчины сделали вид, что повелись, но больше они в тот день к разговорам о карде не возвращались. Они Куршевель обсуждали в тот день.

– А там сейчас хорошо. Травка зеленая, тихо и спокойно. Коровки интеллигентно мычат, бабочки порхают от цветка к цветку. Там сейчас почти рай. – Санечка развалился в кресле, закинул ноги на стол и мечтательно уставился в потолок. – И, что самое главное, туристов почти нет. Русских – точно ни одного человека. Наши ж туда на новогодние каникулы всей тусовкой приезжают, как бы на лыжах покататься, а на самом деле бедных французов своей невоспитанностью попугать да бабками друг перед другом потрясти. Нашествие румынского табора по сравнению с нашей элитой на зимнем европейском курорте – детский сад в песочнице! Содом с Гоморрой во главе с модными попсовыми группами – вот что там зимой происходит! А летом из наших туда носа никто не кажет. Так что сейчас там очень хорошо. Никакой тебе светской тусовки, никакого гламура, одни милые европейцы и деревенский отдых в сверхлюксовом исполнении. – Шурик томно потянулся, представив себе это райское место, и вздохнул: – Вот почему у нас такого нет? Вроде и сельская местность со всеми сопутствующими прелестями, и абсолютный комфорт, и удобство... Эх, я бы сейчас в деревню-то бы махнул... Вот с удовольствием бы! Только чтобы пьяные трактористы на бутылку не кланчили и от навозного запаха глаза не щипало...

Глядя на размечтавшегося Александра, Элка призадумалась. А почему бы, собственно, и нет?

И мужчины ее в кои-то веки отдохнут по-настоящему – там, в глуши, Элку особо охранять не от кого будет, да и сама она в тишине какое-то время побудет. Мысли по полочкам разложит да в душе собственной беспокойной разберется. Да и вообще, стыдно сказать – все на раутах и светских вечерах то и дело этот самый пресловутый Куршевель обсуждают, а она, как дурочка деревенская, не была там ни разу. Непорядок это. Надо наверстывать. Тишина и спокойствие опять же. Дело в наше время редкое.

– Саш, ты этот тихий отдых устанешь отрабатывать. Или ты мне максимально быстро докажешь, что вся эта орда – не русские, или я тебя придушу. И если тебе не удастся в течение

трех минут от этой курицы отмахаться, я тебя два раза придушу. У меня сейчас мозг от нее взорвется!!! Откуда она взялась? Откуда вообще тут все эти люди? Саша, это не отдых – это изощренное убийство моего мозга!

Элка поняла, что отдыха не получится, именно в тот момент, когда отступить назад стало поздно. Вот как только они на ресепшн маленькой уютной гостиницы все оформили, бумаги с вензелями и завитушками подписали и собрались уже было в свои номера подняться – тут-то их страшная реальность и накрыла. С визгами, пьяным гоготом и цоканьем двенадцатисантиметровых каблучков. То есть в самом худшем ее проявлении.

В небольшой, а-ля охотничий домик, холл гостиницы ввалился высоченный широкоплечий мужчина в летних льняных брюках и расстегнутой льняной же рубашке.

– У нас пиво закончилось! – громогласно пожаловался он в пустоту. И радостно пошатнулся.

Молодой симпатичный француз-администратор по шатнулся тоже, но быстро взял себя в руки, погасил в глазах смертельную усталость и натянул на гладко выбритую физиономию приветливый оскал.

– Месье Никифороффф! – светясь оплаченным предстоящими чаевыми счастьем, метнулся он к вошедшему. – Une minute!

И, указав дорогому гостю на уютнейший диванчик, мол, вы пока присаживайтесь, а я щас вернусь, куда-то исчез.

«Дорогой» с грохотом обрушился на удобное ложе для задниц.

– Скажите, что этого нет, что мне этот кошмар привиделся, – сквозь зубы и по-французски прошипела Элка.

– Ёптыть конь, – тихо, но по-русски процедил Женька.

– Все, отдохнули, – простонал Александр.

– Миша! Фи, ты уже с утра набрался! – идиотской имитацией французского акцента откуда-то свысока, с лестницы на второй этаж, противно прогундосил женский голос. – Почему у тебя телефон выключен, мне поговорить с тобой надо было, а твой номер недоступен!

– Твою мать! Ты еще не сдохла? – добродушно удивился мужчина с пустой бутылкой из-под пива в руке. – Исчезни отсюда, ты мне отдыхать мешаешь! И не надо мне звонить, я телефон выкинул.

Он почесал затылок и, встретившись взглядом с ошарашенной Ёлкой, по-хулигански подмигнул девушке.

– Я уже домой хочу! – громко простонала Элка, совершив тем самым очень опрометчивый поступок. И напрочь испортив себе каникулы в деревне.

– Даже не вздумай затевать с ней беседу!!! – истерично проскулил Женька, схватив хозяйку за руку. – Не смей!

Но было поздно, да и невозможно – «не затевать».

Была жертва, был хищник (в нашем случае хищница) и были сочувствующие лица. В итоге – напрочь похеренный отдых. И никаких интеллигентных европейских коров.

Вместо этого – алчные русские курицы. Точнее, курица, в единственном, но совершенно ужасном варианте.

– А этот хам – Никифоров. Ну, по телевизору-то ты его наверняка видела! Самый завидный холостяк в нашей стране! Миллионер, бабник, пьяница и подонок!

Отделаться от светской львицы, модной писательницы и жуткой сплетницы Мориши Ларски, было невозможно. Она трындела не затыкаясь, с придыханием и закатывая глаза.

Завтрак оказался безнадежно испорченным, кусок в горло не лез. Аппетитнейшие, золотисто-воздушные круассаны тоскливо скучали на ослепительно-белом фарфоре, а кофе остывал. Хотелось сбежать и повеситься.

Львица балдела и не затыкалась.

Она настигла бедную беззащитную Элку еще вчера, там, в холле. Ничуть не обидевшись на откровенно пославшего ее нетрезвого мужика с пивом, девица впилась прищуренным взглядом в троицу у стойки, в доли секунды отсканировала увиденное и с радостным «Ой какие люди!» рванула вниз по лестнице, к Ёлке.

– Ну наконец-то! Наконец-то ты к нам присоединилась! А мы уже думали, что ты вечно от нас прятаться будешь!

Элка растерянно оглянулась – может, у нее кто за спиной стоит и эта полоумная к нему, за спиной стоящему, обращается? Да не, вроде никто не стоит...

– А... – пытаюсь избежать обычных тусовочных поцелуйчиков, отшатнулась она от надвигающегося бюста. – Простите, мы знакомы?

– Элла, как же мы можем быть незнакомы? – Загнав Ёлку в угол, нападавшая изобразила обязательное «чмок-чмок» в воздухе. Аромат легчайших духов невесомым шлейфом коснулся лица прибалдевшей Элки. – Мы, люди нашего круга, так или иначе все знакомы! Я так рада тебя видеть в нашей тусовке! – Девица взмахнула загорелыми руками, глазищи эдак эмоционально закатили, мол, вся с ума схожу от счастья!

Пападос. «В ихней тусовке». Отдохнули.

– Слышь, оставь людей в покое! – сочувственно глядя на опешившую Ёлку, прогудел человек на диване. – В тебе хоть что-то человеческое осталось? Видишь, они с дороги, устали! Иди куда шла!

Ага, шаззз. Оставила она, как же! Не обращая внимания на Элкиного заступника, особа вцепилась острыми коготками в Ёлкин рукав и, нездорово поблескивая глазами, завела светскую беседу.

– Кто! – Девица изобразила крайнюю степень восторга, театрально закатив глаза. – Кто же не знает нашу затворницу! Эллочка, вообще-то это неприлично – дочь министра, а на людях совсем не бываешь! Мы уже испереживались: почему ты так долго к нам не присоединяешься?

Обменявшись тоскливыми взглядами с телохранителями, Элка вежливо поинтересовалась:

– Кто это «вы», которые испереживались? И к кому это к «вам» я не присоединяюсь? – Она, насколько позволяло воспитание, попыталась рассмотреть напавшую особу.

Кстати, а ведь какая-то знакомая у этой особы личность! Приятное кругловатое личико, пухлые – похоже, что не силиконовые, натуральные – губы, обрамленные длинными ресницами большие влажные глаза и, как ни странно, довольно искренняя улыбка.

Да и на среднестатистическую рублевскую олигархшу девица была не очень похожа. Те обычно тощие как вешалки, грудь силиконово-показушная и улыбаются редко – ботокс мимику ограничивает. А эта в меру пухленькая, не толстая, а именно аппетитная такая обаяшечка, улыбка натурально-белозубая и до ушей. Словом, пусечка в кудряшках.

Но вот физиономия ейная очень уж знакомой кажется. Вот только не вспомнить, где они раньше виделись...

– Э-э-э... – неприлично тыча в натурально колыхающийся пусечкин бюст, промычала Ёлка, мол, пытаюсь вспомнить, как вас, девушка, зовут, но вот память кратковременно отшибло.

– Я Мориша! Мориша Ларски, вспомнила? Журналистка! Я еще передачу на НТВ вела! – ничуть не обидевшись, что ее вот так вот с ходу не узнали, представилась пышечка.

Точно! В телевизоре – вот где ее Элка видела! Светская львица, писательница, звезда почти всех тусовочных скандалов и чья-то там любовница.

– Очень приятно! – улыбнулась новой знакомой Ёлка. – А меня Эллой зовут. – И продолжить фразу не смогла, потому что Мориша открыла рот – и заткнуть ее стало почти невозможно.

– Ой, ну я же говорю, кто не знает внебрачную дочь Хорошевского! – Ларски всплеснула руками. Она ими вообще часто, как горлица крыльями, махала. – Ты что, это же такой скандал был! Твой отец – отчаянный человек! При его должности и в его положении не побояться признать незаконную дочь! – Журналистка прижала ручки к груди и внимательно уставилась на Ёлку.

Мол, чего молчишь, оправдывайся давай за своего папашу!

И ведь так это она изобразила, что первый порыв, накрывший Элку, был именно оправдываться! И подробности рассказать – как дело было! Но, слава богу, телохранители у нее были опытные и толковые.

Как только «незаконнорожденная» открыла рот, Женька деликатно кашлянул и молвил:

– Элла Александровна, у вас в самолете голова разболелась. Вам надо срочно таблетку принять и лечь спать. – И чуть двинулся, отгораживая хозяйку от журналистки и освобождая путь к лифту. – Срочно! – добавил он с нажимом. И в сторону девушку подтолкнул, мол, шагай давай.

Элка задумчиво посмотрела сначала на Женьку, потом на опешившую от такой наглой прислуги Моришу и извинилась:

– Мне правда прилечь надо. Мигрень и все такое. Позже увидимся.

И поскакала, подталкиваемая в спину шагавшим следом Шуриком.

– Так если он хам и пьяница, с чего ж тогда ты его завидным называешь? Кому он такой отрицательный сдался-то? – отложив в сторону вилку, вежливо поинтересовалась Элла.

– Так миллионер же! – глядя на нее, как на черепашку-олигофрена, пояснила Ларски. – Мил-ли-о-нер! Миллиардер! Владелец заводов, газет, пароходов! И до сих пор не женат, представляешь? Ужас какой-то!

Вчера от этой курицы Ёлке удалось отбиться. Хотя – скорее смыться, позорно шкереясь по углам.

Едва они зашли в Элкин номер, телохранители тут же накинлись на хозяйку.

– Ёлк, ты даже не вздумай с этой мымрой в разговоры вступать! – размахался руками Женька.

– Да ладно, ты чего так разнервничался-то? Вроде милая такая особа. Журналистка опять же, а значит, образованный человек!

Мужчины посмотрели на подопечную с нескрываемым сочувствием.

– Она мало того что образованная. Она еще умница редкостная. Профессионал, худший вариант женского ума, – ухмыльнулся Александр. – Знаешь, сколько народу от нее пострадало! Эта стерва настолько грамотно к себе людей располагает, что не каждый психолог так умеет! В глаза смотрит, сочувствует, на откровенный разговор с полоборота вытаскивает. Ты себе не представляешь, какие люди на ее уловки повелись – и пострадали потом от этого. Потому что Ларски любую информацию наизнанку выворачивает и подает под таким соусом, что просто диву даешься! Вроде и правду говорит, не придерешься, а репутацию людям напрочь портит. Она же у нас скандально известная! Могу поспорить, что завтра утром в Москве будут знать, что дочь Хорошевского, то есть ты, – наркоманка, спать без колес не может. Так что, общаясь с ней, фильтруй каждое слово!

А еще лучше – вообще с этой дамочкой в разговоры не вступай. Выкручивайся как можешь, но на глаза этой аферистке не попадайся! А уж если попалась, то прикидывайся дохлым опоссумом – глаза закатывай и на вопросы не реагируй.

...Так вот, вчера снять с хвоста эту львицу пера удалось. Поужинать ребята решили не в самой гостинице, а в одном из местных удивительных ресторанчиков – из номера сваливали потихому, по отелю передвигались перебежками, оглядываясь и партизанскими тропами, дабы с

любопытной Ларски не столкнуться. А вот во время завтрака от нее никуда было не деться – сил с утра на конспиративные броски в соседний ресторан не было.

Так что на меры безопасности плюнули, махнули рукой и, прочитав Элке очередную лекцию о недопустимости откровенных разговоров с Моришей, спустились в гостиничный ресторан.

– Ты запомни одно! – перед выходом из номера сурово изрек Александр. – Ни на секунду не расслабляйся. Это тебе не терьер какой-нибудь рублевский. Это акула. Хищная, профессиональная и очень умная. Так что жуй молча, кивай головой и молчи.

– Вот скажите мне, люди добрые, на фига нам такой отдых сдался? Здесь номер стоит несколько тысяч евро в сутки, и я за эти деньги должна шкериться по углам и бояться рот открыть! Может, свалим отсюда?

Элка намазывала на воздушный, невероятно пахнущий круассан нежнейшее масло и наслаждалась царящей вокруг атмосферой. Наверное, они вышли к завтраку слишком рано – кроме них, в ресторане никого не было, стояла почти идеальная тишина, нарушаемая только позвякиванием вилок о посуду и еле слышными шорохами скользящих по залу идеально-ненастоящих официантов.

– Слушайте, а может, вы меня просто запугиваете? Вот в данный момент мне просто очень хорошо! Тихо тут, спокойно.

Бесшумно возникший гарсон ловко что-то убрал со стола, совершил какие-то ему одному понятные пассы, и вновь растворился в утренней тишине.

– Да нет, Ёлк, боюсь, что нам действительно валить отсюда придется, – печально вздохнул Шурик. – Мало того, что от Ларски мы ни в жисть не отделаемся, так еще по ходу тут наших полно. Русских олигархов, в смысле. Эта светская львица просто так летом на мертвом курорте вряд ли появилась бы. Раз она тут ошивается, значит, во-первых, где-то рядом большие люди тусят, а во-вторых, намечается какая-то заваруха. Поверь мне, Ёлочка, у Мориши на скандалы просто невероятное чутье. Готов поклясться Женькиными ушами, спокойно насладиться пейзажами у нас не получится.

Евгений удрученно кивнул, соглашаясь с товарищем.

– Ну, Никифорова мы уже видели. А он один никогда не ездит. И я сейчас не про гуппёшек его говорю. Раз он в такую даль и глушь приперся, значит, по каким-то сурьезным делам. Наверняка так же, как мы, рассуждал – что русских здесь в это время не будет. А так как с местными он бизнес не ведет, значит, к нему сюда кто-то еще из наших высокопоставленных прилетел. На тайные, так сказать, переговоры.

Элка дернула Женьку за рукав:

– С кем, ты говоришь, он сюда приперся? С гуппёшками? Я правильно расслышала? Он аквариумист что ли? Рыбок разводит и с этими домашними зверушками по миру мотается? Это же неудобно!

Женька гоготнул и пояснил:

– Баб он разводит. Вуалехвостых. С ними, родимыми, и мотается. А чего я тебе объяснять буду, сама смотри. Вот он со своей стаей!

И точно. На входе в ресторан нарисовался высокий силуэт. Это был тот самый вчерашний высокий мужчина, требовавший пива. А следом за ним...

Это ж где он столько красоты-то набрал! Глаз не отвести! Ангелы спустились на землю – нацепили каблучки, отупели, сбились в стайку и потащились вслед за олигархом. Никак иначе утреннее появление Никифорова описать было нельзя.

Следом за миллионером, известнейшим в стране промышленником и просто красивым мужиком, в ресторанный зал искристой вуалью, едва касаясь пола каблучками, впорхнуло штук десять девиц невероятно красивой наружности. Все, как одна, прехорошенькие золотистые блондинки, длинноногие и чудо как милые!

Никифоров совершенно очаровательно улыбнулся, что-то приветливо промычал Элке с телохранителями и огромными шагами двинулся в сторону уже накрытого к завтраку большого стола. Настолько большого, что вся его переливающаяся свита легко за ним разместились.

Странно, но и сам Никифоров, и его барышни вели себя так, словно никакого отношения друг к другу не имели. Как будто существовали сами по себе – стайка девушек, действительно напоминающая колонию аквариумных рыбулечек, чего-то там внутри себя бурлила, колыхалась и жила своей собственной суетливой рыбьей жизнью.

Миллионер же вел себя совершенно естественно, завтракал, говорил по телефону и на девиц никакого внимания не обращал. Как будто они не живые люди, а эдакий искрящийся кислород. Люди же обычно на кислород никакого внимания не обращают!

– Ого! Клево! – присвистнула от восхищения Ёлка.

– Щас все остальные подтянутся, – уверенно заявил Женька. – У наших тусовщиков Мишаня негласный образец для подражания. А раз он уже проснулся и изволил пойти отзавтракать, значит, и вся остальная братия начнет прибывать. Как обезьяны в джунглях – чего главарь делает, то и они вытворяют. Вот сейчас мы и посмотрим, кто тут, помимо нас, на курорте обитает. Утренняя, так сказать, переключка присутствующих в округе олигархов. Построение с расчетом на первый-второй.

И действительно – началось!

Первой вслед за Михаилом Никифоровым в ресторан впорхнула Мориша.

В утренних лучах солнца девица выглядела потрясающе – длинная, свободного покроя юбка колыхалась в такт каждому шагу, белоснежная блузка с глубоким вырезом идеально подавала загоревшую, аппетитную, словно сдобные булочки, грудь. Ловко передвигаясь на невысоких каблучках, Ларски эдакой нимфой впорхнула в ресторан и чуть близоручко огляделась.

Сфокусировав взгляд на Ёлке, она помахала унизанной ювелиркой лапкой и, несмотря на то что вокруг было до фига свободных мест, летящей походкой устремилась за Элкин столик.

– Ты же не будешь возражать, если я составлю тебе компанию? – лучезарно улыбаясь, она скорее обозначила свое присутствие, нежели спросила разрешения присесть. – А что, ты с прислугой вместе за одним столом сидишь? – Мориша изумленно вскинула соболью бровь.

Вот, не предупреди вчера мужики Ёлку о том, как Ларски себя ведет, девушка начала бы рассказывать, что да, она с ними постоянно, что у них довольно хорошие отношения и что ей эта «прислуга» почти родной стала.

А так – пришлось просто угукнуть. Мол, да, сию. Ну, и для законченности фразы добавить: «Так надо».

Телохранители синхронно отложили столовые приборы и замерли с каменными лицами. Понятно, завтрак накрылся. Мужики включили режим «суровые телохранители» и, скорее всего, обиделись. Придется их потом куда-нибудь в соседнюю едальню отвести, чтобы покормить в тишине.

А Мориша тем временем уже развила деятельность. Состроив крайне недовольную физиономию официанту, подлетевшему на полсекунды позже положенного, она тыкала пальчиком в папку меню, чего-то дополняла, требовала поторопиться и капризно надувала пухлые губки. Официант улыбался, кивал и хотел повеситься.

Телохранители не шевелились.

Ёлка скисла.

А Ларски, отпустив наконец обслуживающий персонал, схватила с фарфорового блюда аппетитный круасанчик и, не дожидаясь своего заказа, начала активно завтракать. Ухитряясь при этом балаболить, как детский заводной бельчонок-трындычонок.

– О, я смотрю, Карабас уже тут! – едва не заехав маникюром Женьке в лицо, всплеснула она руками.

– Кто? – как бы поддержала беседу Ёлка.

Ларски недоуменно уставилась на собеседницу, потом вспомнила, что Элка вовсе не в курсе прозвищ и нравов местной тусовки, пояснила:

– Ну Мишаня Никифоров! Не делай вид, что ты про него не слышала! Ну, по телевизору-то ты его наверняка видела! Самый завидный холостяк в нашей стране! Миллионер, бабник, пьяница и подонок!

– Так если он бабник и подонок, с чего ж тогда «завидный»? – Элка все еще пыталась поддержать светскую беседу.

Мориша возмущенно пожала плечами:

– Эл, ну я же говорю: мил-ли-о-нер! Ты прямо дикая какая-то! Мы его Карабасом зовем, потому что он своих кукол за собой везде таскает. Я же говорю – бабник!

У Элки аж челюсть отвисла:

– Это что, всё его любовницы??? Вот это мужик! Сразу столько! И что, его на всех хватает? Их же тут штук десять! Или больше? Их же только по именам запоминать замучаешься!

Ларски бесцеремонно сцапала Элкин стакан с соком, отхлебнула из него и беспечно махнула лапкой:

– Никто не знает, сколько их тут. Да Мишаня сам не в курсе, у него этот состав то и дело меняется. Одних где-нибудь забывает, вместо них другие прибиваются. Так вокруг него и кишат в примерно одинаковом количестве. И как из них кого кличут – ему неинтересно. Наш Карабасик всех своих куколок зовет «детками», никогда не пересчитывает и, естественно, ни одну из них не помнит. Просто вокруг него всегда вьется некая субстанция, он их поит, кормит, одевает и понятия не имеет, кто из них кто. А по поводу секса – ему когда приспичит, он из толпы первое, что под руку попало, выцепляет, трахает и опять отпускает в естественную среду обитания – то есть к остальным. Так вот и живет.

Элка уставилась на Мишаню Никифорова и его вуалехвостое окружение. Эк мужик нормально устроился! И всем хорошо – и девки сытые, и он при имидже. Грамотный подход!

– А как же он их одевает? Это ж замучаешься с каждой по магазинам шоркаться! Или он шмотки для них на оптовой базе закупает? Вон они все одинаковые – и лица, и фигуры. И размеры, соответственно!

Мориша доцедила Элкин сок, схватила с подноса подошедшего официанта (чуть бедолагу с ног не сшибла!) заказанный для себя и пояснила:

– Он их очень грамотно одеждой снабжает. Приходит в бутик, загоняет туда всю свою свиту, бутик на час закрывают – и кто что успел себе за этот час прихватить, тот то и носит. Мишаня продавцам кредитку дает, когда девиц заводит, и те в четко определенное время по терминалу этой картой проводят. И все – кто до минуты «Хэ» свою покупку в общую кучу не подсунул, остается без тряпочки. У него эта система давно отработана.

Элка не могла не восхититься Никифоровым. Молодца мужик!

А ресторан тем временем постепенно наполнялся людьми. И что самое поганое – все эти люди были нашими соотечественниками. То есть правы оказались телохранители – судьбинушка занесла их в редкостный гадюшник. Все здесь были наши. Все непростые. Самое пекло гламурной тусовки.

– О, смотри, и Брост тут! – Мориша взвизгнула и принялась тыкать серебряной вилкой в сторону скромно притулившейся у окна парочки. – И крысу свою приволок! Хотя кто кого приволок, неизвестно. – Она поймала непонимание в Ёлкиных глазах и с радостью пояснила: – Ну да, простые люди думают, что великий Брост весь такой из себя крутой директор телеканала! Ты знаешь, он из себя та-а-а-ую звезду изображает! Мол, мы в телевизоре все такие оппозиционные, нас власть не любит, зато народ, мол, на нашей стороне! А на самом деле, если бы его передачи всякая политическая шушера, которую на нормальные телеканалы не

пускают, не проплачивала, сдох бы уже давно от голода и сам Брост, и конторка его на шестнадцатой кнопке пульта!

И так Мориша азартно все это рассказывала, с такой искрой в глазах, что Элка этому ее настроению поддавалась и тоже сплетничать принялась:

– А что за баба рядом с ним? Ну та, которую ты крысой назвала. Жена что ли?

Мориша заржала так, что все присутствующие повернули головы в ее сторону. Что, надо заметить, журналистку ничуть не смутило. Просмеявшись, она смахнула слезинку с пушистых ресниц:

– С ума сошла что ли? Это его первая помощница. Брост без нее никуда! Я вообще уверена, что на их телеканале именно Белка все решает, а этот болванчик просто лицом работает. И по-моему, она лесбиянка! Потому что с Бростом у нее ничего нет – иначе я бы знала, и с другими мужиками ее никто никогда не видел!

Элка как можно незаметней попыталась разглядеть телевизионную парочку. Броста, довольно известного владельца политического телеканала, она, конечно знала – невысокий плотный мужчина с умными глазами, а вот спутницу его, Беллу, видела в первый раз. Да, наверное, журналистка права – эта дамочка очень даже может быть лесбиянкой. Высокая, сухощавая женщина лет сорока, стильная короткая прическа, безупречный макияж – и какая-то неуловимая неженственность. Волевое лицо, губы плотно сжаты. Лесбиянка – не лесбиянка, но вот уж не гламурная дурочка точно.

Но, похоже, Элкины «незаметные» подглядывания оказались не так уж и незаметными. Та, кого звали Беллой, подняла глаза от тарелки, встретила взглядом с Ёлкой – словно водой ледяной окатила. Ёш-тыть, бедные ее подчиненные! Как они с такой злобной крысой работать могут? Судя по всему, и Бросту, бедному, тоже достается – сидит, бедолага, поерзывает, на помощницу свою едва ли не со священным ужасом взирает. Так вот посмотришь со стороны, и действительно непонятно, кто из них главный.

А Белла все смотрела и смотрела на притихшую Ёлку. Глаза в глаза. Как удав на беззащитного кролика. И, как тот самый кролик, Элка не могла вырваться из этого леденящего взгляда. Стра-а-ашно...

Слава тебе господи, Мориша помогла! Журналистка так взвизгнула, что Элка от неожиданности подскочила на месте – и вырвалась из плена холодных глаз Бростовской помощницы.

– Твою мать! Твою же ж ...аную мать!!! – истерично-счастливо просвистела светская львица. – Разтитить налево!!! – И дальше такой витиевато-восторженный мат последовал, что у Элки и телохранителей челюсти отвисли.

Это ж надо, как девица потрясающе выражаться умеет!

– Мориш, ты чего? – уставившись на журналистку круглыми глазами, поинтересовалась Ёлка.

– Твою мать! Я ж как чувствовала, что сюда за Никифоровым рвануть надо было, вот неспроста же этот хрыч летом в горы ломанулся! Это ж что тут намечается, это же как я удачно приехала!!!

Глаза известной телеведущей горели, как у наркомана при виде дозы. Даже не так – как у собаки, напавшей на след дикого зверя, – ее аж затрясло всю от азарта. Она сделала классическую дрессировочную стойку и вытянулась в струнку, чуть слышно повизгивая.

– Мориш! Неслабо тебя накрыло. Чего случилось? Кого ты там увидела?

Отмахнувшись от Элки, как от надоедливой мухи, мол, не мешай, отвлекаешь, Ларски тихонечко простонала:

– Ой какие люди... Ой, и чего ж тут намечается-то, раз ты сюда прискакал... Ой какая я умница...

У нее даже кончик носа повлажнел – и ноздри раздулись, втягивая острый запах сенсации. Мда, а девка действительно профессионал, вон как отдается любимому делу!

– Ты представляешь, какая каша тут должна завариться, раз Нахимов сюда приперся! Со своих югов посреди лета на зимний курорт! Ой, мамочки-мамочки-мамочки... – Мориша нервно потирала ладони, пристально глядя на молодого спортивного мужчину, вежливо отодвигавшего стул перед своей мамой.

Ёлка мысленно плюнула – ну не хочет отвечать журналистка, и не надо. Мало ли почему ее так расколбасило – может, действительно повод какой есть? Опять же, пока эта львица в азарте копытом бьет, можно попробовать продолжить завтрак.

Кстати, а ведь действительно такая возможность представилась! Ларски не просто заткнулась – она ловкими движениями взбила кудряшки, поправила содержимое в меру глубокого декольте и, с грохотом отодвинув изящный ресторанный стул, посеменила за столик к вновь прибывшим.

Двигалась она забавно – с одной стороны, еле сдерживая себя, чтобы не перейти на галоп, а с другой – с некоторой опаской что ли. Как в клетку со спящим тигром – вроде и интересно, но вот страшновато как-то...

Ёлка проводила журналистку задумчивым взглядом и обратилась к телохранителям:

– Это кто такие? Чего деваха наша так подорвалась? Вы в курсе?

Женька тихонько выдохнул – похоже, обрадовался исчезновению журналистки и пояснил:

– О, это очень интересный товарищ! Личность крайне неординарная. Мэр небольшого южного городка Черноморска, Коля Нахимов. Тот, который олимпийская деревня. – Он тоскливым взглядом окинул почти пустой стол: – Ты заметила, что эта мымра сожрала весь наш завтрак? А я есть хочу! У меня работа тяжелая, я без еды долго не продержусь!

– Естественно, заметила! И естественно, мы сейчас тебе еще еды закажем! А чего такого неординарного в этом Коле – олимпийской деревне? Ну мэр и мэр, их таких в наше время много развелось. Больше, чем их, в природе осталось только помощников депутатов. Этот-то чем из основной массы выделяется? Обычный с виду мужик, вон, маму свою любит. Хороший сын, заботливый. Хотя, наверное, жлобьяра.

Телохранители переглянулись между собой.

– А с чего ты взяла, что он жлобьяра? И при чем тут его мама? – спросил Женька.

– Как при чем? В наше время взрослые дети редко своих мам на курорты вывозят, тем более в Куршевель! А жлобьяра – потому что вроде как и в дорогое место матушку выгулять привез, но ведь летом – когда здесь все дешево. То есть и на елку взлез – и денег не потратил. Мамуся его потом будет подружкам рассказывать, что во Французские Альпы каталась, в то время как сынуля на этих самых Альпах зело бабок сэкономил.

Телохранители озадаченно молчали.

Первым не выдержал более любопытный Женька:

– Елк, при чем тут мама? Ты чего несешь?

– Ну как при чем? Вон, тетку с ним рядом видите? Они, конечно, не очень похожи, но этот ваш Нахимов прям образец заботы и любви! А, судя по тому, что она лет на двадцать его старше, вывод напрашивается один – это его мама. Вряд ли бы он стал так вокруг двоюродной тетки суетиться.

Сашка гоготнул, разулыбался и заявил:

– Это не мама. Это его жена. Слава богу, ты нигде при народе этот бред не выдала. Вот скандал-то был бы! Эх, не вовремя Моришка сбежала – она бы с ума от счастья сошла, если бы тебя сейчас услышала!

Ёлка откинулась на спинку стула, внимательно изучила брезгливо беседующую с Ларски парочку и помотала головой:

– Да ладно! Какая еще жена? Ей лет-то сколько?

– Года на три меньше, чем ее мужу, – ответил Сашка. – Я тебе больше скажу – это его любимая супруга. Они больше десяти лет женаты, и этот мэр ни разу не был с другими бабами замечен. И это при том, что журналюги копают на него о-го-го как! Они всю его жизнь под микроскопом рассматривают – компромат на мужика ищут.

– И что, находят?

Сашка развел руками:

– В том-то и дело, что нет! Ты не поверишь, но по всем раскладам получается, что мужик просто образец для подражания! Примерный семьянин, замечательный руководитель, не берущий взятки чиновник. Ни единого пятнышка на кристально чистой репутации! Представляешь, как сейчас журналисты всех форматов копают на любого, кто к Олимпиаде хоть какое-то отношение имеет? Там же такие деньжищи неизвестно куда пропадают, что подумать страшно! Миллионы долларов на ровном месте тают в йодированном морском воздухе. И если про всех остальных ясно что, то этот ни разу не попался. Пресса уже просто из спортивного азарта только за Нахимовым охотится, по пятам следует и все его финансовые дела под микроскопом рассматривает – и ни разу ничего не накопила! Все у него копеечка в копеечку сходится, все счета чистые, на откате ни разу пойман не был! Он даже нечестно нажитое имущество на ближайших родственников не переписывает, как у нас в стране это принято. То есть по всем раскладам выходит, что Коля Нахимов честный и порядочный чиновник, при том, что всем давно известно, что такого явления в природе не бывает.

– Да ладно, наверняка ворует, только следы грамотно замечает!

Ну не верила Элка в честность разного рода градоначальников. Уж кто-кто, а она ситуацию с растаскиванием городских бюджетов знала из, так сказать, первоисточников.

– Может, ворует. Но не поймали ни разу. Так вот и с женой у него похожая петрушка получается. Она у него ничья дочь – в смысле, он не из-за карьеры на ней женился, а только из-за чувств. Ты посмотри, как он шикарно выглядит. Жена его бабища неухоженная, а никто никогда его в измене законной супруге тоже не уличил ни разу!

Сашка едва заметно мотнул головой в сторону «кристально чистого». Зря, кстати, мотнул, Элка и так от мужика глаз не отводила.

А ведь действительно, мэр-то этот ну в чистом виде красавчик! Спортивный, подтянутый, физиономия, может, и скучноватая, но в меру загорелая и гладкая. Светлые волосы чуть длиннее, чем полагается, но ему это очень идет. И обычные для чиновника дряблость и под глазами отвислость – признаки злоупотребления алкоголем – отсутствуют. Словом, тренер по фитнесу, а не глава приморского города!

А вот жена мэрская глаз ничуть не радовала. Обрюзгшая, с бульдожьими щечками, тумбообразная. На мир смотрит брезгливо-снисходительно маленькими пороссячьими глазенками. А одежда! Этак в деревне Качикатцы по субботам в восемьдесят втором году в праздничные дни одевались: люрекссовая кофтенция, непонятные, обтягивающие заплывшую жиром задницу штаны и макияж как у пятнадцатилетней козы на дискотеке. Интересно, чем она глаза красит? С ресниц свисали черные комки – как после легендарной «плевательной» туши. Ну никак мэрша своему красавчику-мужу не подходила!

Ух ты! Похоже, сейчас прольется чья-то кровь!

Что именно произошло – никто не понял. Просто в какой-то момент мадам Нахимова вдруг покраснела, взвилась и рывкнула так, что хрустальные подвески на люстре зазвенели. В то же самое мгновение мэр успел перехватить руку супруги, сжимавшую тяжелую старинную вазочку с цветами – у каждого на столике стояли такие, – занесенную для удара по голове светской журналистки.

Сама же Ларски взвизгнула, очень шустро отскочила и злобно зашипела:

– Ну, тварь, ты у меня за это заплатишься! Шлюха деревенская!

Щеки Мориши пылали, идеальные кудряшки нелепо сбились на сторону, а лицо перекосила испуганная гримаса.

– Сама-то кто, подстилка! Как в школе под физрука легла, так до сих пор остановиться не можешь, потаскуха! – яростно сверкая глазами, не осталась в долгу мэрша. – Пошла вон отсюда, побируха!

Наверное, дальше все произошло бы как в дешевой мелодраме – бабы вцепились бы друг другу в космы и стали царапаться, но нет, такого не случилось. Мэр очень тихо, но твердо что-то сказал. И обе женщины – законная супруга и всклокоченная Ларски – вдруг заткнулись.

Жена, все еще тяжело дыша, уставилась взглядом в тарелку, а журналистка нервными прыжками, как сайгак, выскочила из ресторана.

Стайка Никифоровских девиц тревожно забулькала.

– Ну что ж ты промахнулась-то? – доброжелательно расстроился Никифоров. – Надо было бить! Тебя бы на руках носили, если б ты эту тварь пришибла на хер! Колюнь, ты зачем жену остановил? – совершенно искренне упрекнул чету Нахимовых миллионер.

– Мда. Надо было бить, – вдруг открыла рот Бро стовская помощница. – Мы бы прикрыли.

Сам телебосс мелко закивал головой, мол, зашиби мадам Нахимова журналистку – все на ее стороне были бы.

– Вот еще, руки пачкать... – пробормотала мэрша. И тут же притихла под суровым мужниным взглядом.

– Ха! Вы тут Моришку пинали что ли? – вдруг раздался удивленный возглас. – Малладца! Давно пора ей шкуру попортить!

Все как по команде повернули головы в направлении шума.

В дверях стоял потрясающий персонаж – живое воплощение сатира Филоктета из диснеевского мультика: маленький, толстенький, румяненький и, похоже, с утра уже тяпнувший мужчинка. Глазки на его заплывшей жирком физиономии весело светились, а сам он источал добродушие и неумную энергию.

– Здорово всем! – махнул пухлой лапкой вошедший.

– Ой, какие мы хорошенькие! – не удержалась от возгласа Элка.

Все вокруг заулыбались.

Следом за энергичным дядькой в зал ресторана впорхнула, щебеча и цокая туфельками, еще одна стайка девушек-красотулечек. Почти такие же, как у Никифорова, – те же штук десять, миленькие, бестолковые и эльфообразные.

– Мишань, подлец, здорово! – Толстячок бодренько подкатился к миллионеру. – Чего тут у вас происходит? – и тут же, не дожидаясь ответа: – Я так жрать хочу! Я ж только с самолета, вчера весь день бухали, а щас вот прям умираю от голода! Ты сам как?

И, опять же не дожидаясь ответа, он широким жестом смахнул со стульев часть никифоровских фей, уселся поближе к высоченному миллионеру и заорал на весь зал:

– Эй, гарсон, давай неси скорее! Побольше! И водочки не забудь!

Сметенные со своих мест никифоровские нимфы ничуть не обиделись, телепортировались на свободные места, к ним присоединилось облачко свежеприбывших девиц, все это броуновское движение тихонько забурило, перемешалось и, как золотистая пудра, осело вокруг большого стола.

– А ты давно тут? Прикинь, мы давеча с мужиками самолет раскачивали, так эти твари до Москвы не долетели, посадили аэроплан где-то по дороге и чуть в каталажку нас не упекли! – толстячок говорил звонко, энергично размахивая руками и искренне возмущаясь.

Ха, презабавнейший тип!

– Саш, а разве можно самолет раскатать? – наклонившись к телохранителю, тихонько спросила Элка. – А ты этого типа знаешь?

Сашка тоже шепотом пояснил:

– Самолет раскатать можно. Для этого надо, чтобы толпа пьяных идиотов начала дружно бегать по салону справа налево. И обратно. Во всем мире за такие дела сажают в тюрьму, а эти, похоже, откупились. Благо денег у мужика полно – это злейший друг Никифорова, тоже миллионер и олигарх и тоже Мишаня – Михаил Кац.

– Это как это – «злейший друг»?

– Ну, примерно так же, как закадычный враг. Мишаня с Мишаней уже много лет знакомы, их бизнесы довольно часто пересекаются. Денег у мужиков примерно одинаково, оба не дураки выпить, насчет баб – сама видишь. Вот только Никифоров пашет как проклятый с пятнадцати лет и все свое богатство очень умной головой заработал, а Миша Кац жутко везучий и чутье у него потрясающее. Когда они порознь – у них прекрасные отношения, а вот когда их интересы сходятся... жуткое дело начинается. Умный и расчетливый Никифоров против жуликоватого везучего афериста Каца – война миров, битва гигантов и подрыв «Титаника». Сейчас у них вроде временное перемирие. Видишь, как щебечут?

Как гласил советский плакат: «В этой истории вывод такой – пьянству бой!»

А с другой стороны – если бы не накуасилась она вчера до зеленых яблоков, сидела бы сейчас тут с остальными, нервничала, мозг напрягала. А его, этот самый мозг, в данную минуту было несколько больно напрягать! Честно говоря, просто невозможно.

Элку вчера накрыла депрессия. Липкая и беспросветная. И еще жалость к себе любимой тоже поднакатила. Так они вдвоем – депрессия и жалость – хрупкий девичий организм и надломил.

Завтрак вчера закончился вполне мирно. После позорного бегства обиженной журналистки все присутствовавшие в уютном гостиничном ресторанчике, казалось бы, успокоились. Именитый российский бомонд еще немного поволновался, промеж собой пошушукался, но вскоре о неприятном инциденте было забыто, словно никто никому вот только что тяжелой вазой в башку не метил.

Циничные светские люди продолжили кушать. Известный телевизионщик Брост со спутницей дожевали овсянку, мэр Черноморска под сбивчивое почавкивание жены вернулся к своим мюсли, а два Мишани с аппетитом смели все, что было плотненько наставлено на их огромном столе.

А вот Элкины телохранители решили покапризничать. Женька заявил, что журналистка своим хамством напрочь испортила ему аппетит, отказался прикасаться к еде и гордо задрал нос. Сашка с тоской посмотрел на напарника, потом с еще большей тоской – на остатки завтрака и по-товарищески поддержал гордого Женьку. Мол, он тоже в такой нервной обстановке принимать еду отказывается.

Да и сама Элка, честно говоря, осталась голодной. Она, привыкшая к обязательному спокойствию за столом и вдрызг избалованная личным поваром Стивом, ни фигулечки половинкой слопанного круасана (все остальное Мориша сожрала) и глоточком кофе не наелась. И, соответственно, настроение у нее от этого безобразия резко ухудшилось.

Опять же утреннее сборище окончательно разбило ее надежды на спокойный отдых. Она ж ведь как собиралась – отдохнуть в тиши, на природе, не слыша русской речи и наслаждаясь созерцанием порхающих бабочек! А вместо этого – скандальные журналисты, с утра пьяненькие олигархи и страшные жены неподкупных чиновников. Кстати, еще до кучи продажное телевидение прибавилось – словом, полный кендец.

Отдыхать в таких условиях просто невозможно, решила Ёлка, заплатила по счету (кстати, за Моришин завтрак тоже пришлось заплатить по причине принесенного за их столик счета и отсутствия самой журналистки), встала из-за стола и потребовала отвести ее куда-нибудь в

более тихое место. Что телохранители с удовольствием и сделали – затащили подопечную в какой-то милый кабачок и полностью расслабились.

Там они и позавтракали, а потом и пообедали. Да и поужинали там же.

После того как теплая компания из трех человек с утра пораньше заказала очень себе такой полноценный... набор еды для средних размеров крокодила (назвать эту гору сосисок, салатов, яичниц трех видов и небольшого ведерка кофе завтраком у нормального человека язык не повернется), заплатила за все наличными, вела себя прилично, вежливо общалась с персоналом на идеальном французском и оставила неслабые чаевые, хозяин ресторанчика почти влюбился в милую русскую девушку и ее телохранителей и любезно предложил им воспользоваться расставленными на террасе шезлонгами. Типа подышать свежим воздухом и понаслаждаться райскими видами летних Альп.

Честно говоря, у Ёлки это был один из лучших дней за последние пару лет. Никуда не надо было бежать, ни о чем не надо было думать, светило солнышко, уютно жужжали какие-то летучие тараканы и жизнь казалась необыкновенно милой.

Разморенные плотным завтраком, все трое совершенно неприлично вырубались. Вот как в шезлонгах устроились, физиономии солнышку подставили, так почти сразу и отключились. Уснули, как дети малые беззаботные.

Так до обеда и проспали – и никто им не мешал. Мимо ходили люди, бесшумно передвигались обслуживающие уличные столики официанты, хозяин заведения пару раз лично выходил проверить, все ли в порядке у дорогих русских гостей, а гости дрыхли без задних ног, словно они уже месяц не спали...

Часа в четыре вечера Женьку разбудил один из официантов. Убаюкивающим шепотом он поинтересовался, не проголодались ли гости и не пора ли подавать поздний обед. Женька почесал всклокоченную голову, разбудил напарника, и, посоветовавшись, мужики решили, что пора и что проголодались.

Элка открыла глаза – и поняла, что она в раю. Сашка сообщил, что пора обедать. Или ужинать. Словом, можно перекусить.

Ну, можно так можно! Елка сгоняла в местный сан узел, умыла ледяной водой подгоревшую под ласковым альпийским солнцем физиономию и проследовала к столу, который уже был сервирован на улице под большим холщовым навесом.

– Слушайте, это ж получается, что мы весь день продрыхли! – сладко потянувшись, радостно сообщила она приготовившимся к уничтожению свиной рульки телохранителям.

– Да, – кивнул аж светящийся от удовольствия Сашка.

– Да, – согласился с ним хищно примеривающийся к хрустящей свиной корочке Женька.

– Да, – зачем-то по-обезьяньи повторила за телохранителями Элка и всадила серебряную вилку в сочный кусок мяса.

Это уже потом, после, во всем виноватым ребята назначили хозяина заведения. Ведь именно он приволок тогда тот запотевший кувшин с пивом! И три большие кружки.

С этого кувшина все и началось. Свежее, с хмельным медовым вкусом и плотной белоснежной шапкой, очень легкое и золотистое пиво поднимало настроение, освежало и было очень кстати.

Но остановиться на одном кувшине оказалось тяжело. Практически невозможно.

Телохранители отхлебнули по глоточку – во-первых, им по службе полагалось знать, чем хозяйку поить собирались, а во-вторых, из простого человеческого любопытства, одобрительно кивнули и оставили весь кувшин на растерзание не имеющей тормозов Элке. Решили, что сегодня можно.

– Чудесный напиток! – сделав небольшой глоток, заявил Женька.

– И впрямь прекрасно! – несколько высокопарно согласился с ним Александр. И резко переменял тему: – Элк, ну так чего мы дальше делать будем? С одной стороны, денек сегодня

был замечательный, я тысячу лет так не отдыхал! Но с другой – боюсь, больше нам так, как сегодня, отдохнуть не удастся.

Это чистой воды везение, что нас тут никто не нашел. Ни эта твоя Ларски, ни олигархи со свитами. Не знаю, где и чем все эти люди занимаются, но, как человек опытный, я тебе скажу однозначно: покоя нам тут больше не будет.

Элка хрустнула ломкой горчичного цвета свиной корочкой, вздохнула и безнадежно пожала плечами:

– А может, никому мы не нужны? Пусть они там беснуются, а мы себе тихонько отдыхать будем. Не тронула же нас Мориша сегодня ни разу, может, и дальше беспокоить не станет?

Сказала – и сама себе не поверила. Мимолетного знакомства с Ларски ей вполне хватило для того, чтобы понять раз и навсегда: от этой девицы ей не отделаться. И то, что нынче им удалось отсидеться где-то на задворках, вовсе не означает, что завтра за ними хвостом не привяжется назойливая журналистка.

А ведь привяжется! Еще бы, она ж буквально первая, кто так близко подобрался к незаконной дочери Хорошевского! Сенсация в полный рост – и серия статей в дурацких гламурных журналах. Подобную информацию у нее любой глянец за большие деньги купит, а Мориша совсем не дура упускать столь шикарную возможность заработать и лишний раз засветиться!

Опять же ежедневные утренние сборища элитной прослойки общества – не каждый человек выдержит. Тем более человек, который от всего этого бомонда подальше в горы свалил! Так что надо сказать Боженьке огромное спасибо за случившийся замечательный денек, паковать чемоданы и сваливать отсюда как можно быстрее. И незаметней.

Но это завтра – так Элка и телохранители решили. Сегодня они тут посидят, пива попьют, вкусненько поужинают, а завтра, как проснутся, барахло в охапку – и прочь из этого райского места. Увы, но другого варианта нет. Ох, а жалко-то как!

Вот тут-то депрессия и подвалила. Все грустно, расслабиться нет никакой возможности, люди – гады, и нет на свете справедливости.

И жалость к себе любимой волной захлестнула – что ж это такое творится, расслабиться нет никакой возможности... и далее по вышеперечисленному списку.

И так эти две подружницы – депрессия и жалость – лихо на Элку навалились, что девушка наша тихонечко, сама того не замечая, кувшинчик-то весь и вылакала. И еще один заказала. И его тоже кушала.

Телохранители, на все это безобразие глядячи, головами, конечно, неодобрительно покивали, но решили не вмешиваться. Мол, имеет хозяйка право на «потосковать»! Да и пиво хорошее, природа вокруг чудесная, закуска потрясающая – так что пушай девушка расслабляется. Это так они промеж собой договорились и нотации о вреде алкоголя читать Ёлке не стали.

Вот и наквасилась наша голубушка до частичной потери сознания и легкого абстинентного синдрома. Почему легкого? Да потому, что телохранители правы оказались: и пиво хорошее, и воздух свежий, и закуска достойная. Так что утро у Ёлки наступило чуть мутноватое, но без криминальных последствий.

Хотя – как это без криминальных? А как же стройный белозубый мужчина в стильном костюме и с потрясающей фразой:

– Господа, извините за беспокойство, но я попрошу вас оставаться на своих местах. Насколько я понимаю, здесь сейчас находятся все посетители гостиницы?

Миша Никифоров поднял глаза и почему-то осмотрел всех своих девиц. Словно попытался их пересчитать.

Телебосс Брост уставился на свою помощницу, словно ища у нее ответа на заданный посторонним мужчиной вопрос.

Миша Кац пьяненько гоготнул и попытался ущипнуть за попку одну из своих нимф.

Элка пожала плечами. Ей сейчас не до того было. Она завтракала.

Мэр Черноморска почему-то суетливо огляделся и спросил:

– Кто этот человек? Чего он хочет?

Оппа! Похоже, кроме Никифорова, в этой тусовке никто не говорил на местном языке! То-то у всех лица такие растерянные!

– Молодой человек просит всех оставаться на своих местах и спрашивает, присутствуют ли здесь все постояльцы гостиницы, – чуть поморщившись, перевела для неграмотных соотечественников Элка.

Народ засуетился, два облака белокурых нимф в разных углах зала заволновались, а мэр хорошо поставленным ораторским голосом ответил за всех:

– Нет, на завтраке присутствуют не все. Насколько я знаю, в гостинице проживает журналистка, некая Мориша Ларски. Так вот ее сейчас в ресторане нет.

Элка перевела сказанное для красивого незнакомца.

Тот ей благодарно-очаровательно улыбнулся, посмотрел на остальных притихших русских и холодно сообщил:

– Она и не сможет присутствовать на завтраке. Сегодня утром горничная нашла ее убитой в своем номере.

– Это просто какое-то безобразие! Я государственный служащий, вы не имеете права меня задерживать!

Мусье Нахимов рвал и метал. Вот прям бесновался и брызгал слюной. А еще он орал, возмущался и стучал кулаком по всем горизонтальным поверхностям – словом, нервничал и вел себя крайне подозрительно. Будь Ёлка на месте очаровательного красавчика-следователя, она бы первым делом этого суетливого мера и заподозрила. Не, ну вот если он не виноват – чего тогда так нервничает, а? Сто пудов, у чинуши рыльце в пушку! Надо хватать, пока тепленький, заковывать в кандалы и в ссылку босиком по сугробам гнать!

А следователь почему-то «заковывать в кандалы и гнать по сугробам» не торопился. Даже совсем наоборот – разговаривал с подозреваемым очень вежливо, успокаивал и проявлял крайнюю степень уважения к Нахимову лично и к его должности в частности.

Он вообще каким-то странным типом оказался, этот французский сыщик. Мало того, что выглядел жандарм (или как они там местных легавых называют?) на миллион долларов – высокий красивый мужчина лет сорока, темные, чуть с проседью волосы и благородная осанка, так еще упакован был на зависть русским олигархам.

Костюм, явно сшитый на заказ у о-о-чень хорошего портного, ботинки и стильнейший портфель, изготовленные из одного бока экзотического малазийского буйвола и галстук от Christian Lacroix – не полицейский, а модель с модного показа.

Он вообще, как только в гостиничном ресторане появился, сразу фурор произвел. Женщины томно завздыхали, мужчины нахмурили брови.

– Позвольте представиться. – Француз манерно склонил голову. – Этьен Анатоль д'Ансельм. Я детектив, под моим надзором будет находиться дело об убийстве мадам Ларски.

– Ага... Анатоль... Толик, значит... – задумчиво протянул Никифоров.

– Что значит «убийство»? – всполошилась мадам Нахимова. – Ее что, убили?

Они вообще какими-то нервными оказались, оба эти Нахимовы. Паниковали, глупости всякие спрашивали. Вот как можно спрашивать: «Ее что, убили?». Нет, блин, сама она померла от мук совести! Особенно смешно, когда такие вопросы задает женщина, буквально сутки назад метившая антикварной посудой в голову ныне покойной журналистки...

Хотя, что там врать, и остальные присутствовавшие вели себя не лучшим образом. То есть никто не стонал «На кого ж ты нас покинула!» и «Ой, а совсем ж еще девка была молодая, жить еще б да жить!».

Телевизионный человек Брост помрачнел, нахмурил брови и уставился на свою помощницу, словно от нее зависело, потонет «Титаник» или нет.

Помощница призадумалась, изобразила на лице абсолютную готовность сотрудничать с правоохранительными органами и прошептала шефу: «Потом все обсудим».

Миша Кац хрустко откусил половину корнیشона и тяпнул водки. Именно так и сделал – в обратной последовательности.

Кацевский девушко-шлейф всколыхнулся и тревожно заискрился – словно на воду подули.

Миша Никифоров тяжело вздохнул, пробурчал что-то себе под нос и заинтересованно уставился на Ёлку.

Никифоровская свита притихла – как лесное озеро в полдень.

А чета Нахимовых запаниковала и ударились в истерику. Оба – очень некрасиво, с красными лицами, брызганьем слюной и угрозами в адрес французской полиции.

– Вы не имеете ни малейшего права задерживать меня! – кричал солидный мужчина, мэр Черноморска.

Элка его крики перевела для месье д'Ансельма. И от себя по-русски объяснила мэру:

– Вас никто не задерживает. Просто в настоящий момент вы отказываетесь сотрудничать со следствием. А это очень плохо. – Помолчала немножко и добавила: – Для вас.

Нахимов закипел, крышка его чайника хлопнула, выпуская пар, и мэр заткнулся.

Никифоров едва заметно ухмыльнулся и откровенно залюбовался Ёлкой. А импозантный француз, поняв, что общаться со всеми этими русскими он может только через Элку, обратился к девушке:

– Вы не могли бы перевести для присутствующих здесь людей, что мне необходимо пообщаться с каждым из них? Желательно в ближайшее время. И что никто из них не имеет права покидать пределы гостиницы и, тем более, пределы страны без моего специального разрешения.

Этьен Анатолий проговорил все это с совершенно очаровательно-доброжелательной улыбкой, Ёлка отсинхронизировала его с выражением лица «Вот и „гитлер-капут“ вам всем пришел, граждане богема».

Как там в серьезных романах пишут? «Гнетущая тишина повисла в воздухе», так кажется... Так вот, именно она, родимая, и повисла. В ресторанном зале стало так тихо, что даже нервное покоцывание ногтей мадам Нахимовой по деревянной столешнице звучало удручающим грохотом.

А француз, казалось, общего напряжения совсем не почувствовал. Он продолжал улыбаться и нагнетать обстановку.

– Мадмуазель, насколько я понимаю, свободно владеет французским языком? – обратился детектив к Ёлке.

Та кивнула.

Никифоров чуть заметно улыбнулся. Понятное дело, мужчина тоже «свободно владел» и прекрасно понимал все, что говорил полицейский, но демонстрировать это почему-то не торопился.

А француз тем временем продолжил общаться с Элкой:

– Вас не затруднило бы какое-то время попереводить все, что я буду говорить присутствующим здесь лицам? И, конечно, для меня – все, что будут говорить ваши соотечественники. Дело в том, что сотрудники практически всех гостиниц и ресторанов в этой местности прекрасно говорят по-русски – здесь это выгодно, но привлекать посторонних людей мне не хотелось бы. А наш штатный переводчик сможет прибыть на место происшествия только завтра. Вы согласны мне помочь? – Детектив мило улыбнулся и пожал плечами, мол, вот такая техническая накладка.

Элка скорчила не менее приветливую физиономию, означающую «да ноу же ш проблем». Честно говоря, ей страсть как хотелось рядом с этим французским ажаном покрутиться. Интересно же, как настоящие профессионалы убийства расследуют! А тут такая замечательная возможность выдалась, на законных к тому же основаниях.

Так что она была согласная.

Труп лежал на полу. Луч света, прорвавшийся сквозь плотно задернутые шторы, переливался золотистым блеском в волосах, обрамлявших серо-белое, неживое женское лицо. Открытые глаза убитой стеклянно-непонимающе смотрели в потолок. И все это было каким-то ненастоящим. Восковым. Страшным.

– Ваше присутствие в данном момент необязательно... – Увидев, что Элке стало нехорошо, господин д'Ансельм твердо взял девушку под локоть и попытался вывести ее из комнаты. – Пока здесь работает следственная группа, переводить ничего ни для кого не надо. Выйдите, это зрелище не для слабонервных.

Забыв про только что терзавшее ее любопытство, Ёлка с облегчением выдохнула и вцепилась в Сашкин рукав:

– Ну, не надо и не надо... Пойдем отсюда, Саш. Что-то мне действительно нехорошо.

Элка зачем-то оглянулась туда, где лежало тело, – ее взгляд уперся в голые бледно-синие ноги. К горлу подкатил ком.

– Жень, выведи Эллу Александровну, я тут немножко побуду, – тихо, чтобы не слышали французы, прошептал Сашка и переложил обмякшую хозяйку из своих надежных лап в не менее надежные Женькины.

Напарник кивнул, подхватил Элку и, придерживая, чтобы ту совсем сильно не шатало, вывел девушку из номера.

В коридоре Ёлка привалилась к прохладной стене и прохрипела:

– Же-е-ень... Пойдем в бар спустимся, а? Что-то мне совсем нехорошо.

– Так, может, к себе пойдем? Полежишь, отдохнешь. Там и горло промочить есть чем – бар забит.

Хочешь, мы тебе вкусенького чего-нибудь в номер закажем?

Элка на секунду задумалась, потом упрямо мотнула головой:

– Не, не хочу. У нас с Ларски номера похожи. Мне теперь там трупы мерещиться будут. Так что пошлепали-ка вниз, к живым людям. И к холодному пиву. Скажи Сашке, что мы в баре будем, пусть туда шагает.

На том и порешили. Женька на мгновение нырнул за приоткрытую дверь, пробурчал напарнику, где их искать, если вдруг чего, подхватил Элку под руку, и они направились вниз, в ресторан отеля.

Жеребец-бармен, похоже, в настоящий момент был единственным живым человеком в баре. За стенкой-перегородкой, в уютном обеденном зальчике кто-то ходил, позвякивала посуда и слышалась негромкая французская речь, а вот возле барной стойки особой живости не наблюдалось. Приглушенный свет, мерцание бокалов и мускулистый красавец-бармен в фирменной футболке отеля и с шикарной гривой темных выющихся волос.

Подняв глаза на вошедшую парочку, он отложил в сторону белоснежное полотенце, которым натирал идеально прозрачный бокал, пристально посмотрел на Элку, перевел взгляд на ее спутника, что-то пробормотал себе под нос и белозубо оскалился. Вроде как улыбнулся – но слишком широко, слишком профессионально. Без души.

– Мадемуазель желает кофе? Или чего-нибудь покрепче?

Дождавшись, когда Ёлка со спутником устроятся на высоких барных стульях, красавец отработанным жестом полирнул белоснежной салфеткой столешницу перед посетителями и профессионально-приветливо уставился на Ёлку. В сторону Женьки он почему-то даже не посмотрел.

– Элк, вот кофе тебе сейчас пить не стоит. На твое нынешнее состояние может сильно в голову ударить, давление подскочит или еще какая неприятность с головой случится. Тебе бы слабоалкогольного и холодненького чего-нибудь, – по-русски пробурчал телохранитель хозяйке, кашлянул и на родном для бармена французском попросил: – Если несложно, что-нибудь холодное. И освежающее. Можно с каплей бренди.

Обладатель шикарных темных кудрей понимающе кивнул и принялся колдовать над шейкером. Именно колдовать – он чего-то добавлял, встряхивал хромированную посудину, потом в ход пошли еще какие-то ингредиенты, далее непонятно откуда появился высокий, на небольшой ножке стакан со льдом, туманность поползла по стеклу, чуть запаздывая за наполняющей стакан пузырящейся жидкостью. Бармен бросил в стакан веточку мяты, пластик лайма и ловким движением воткнул трубочку в кристально-ледяную вселенную коктейля.

– Попробуйте. Очень бодрит. Мне кажется, это именно то, что вам сейчас надо. – Поставив перед девушкой стакан-бокал, бармен чуть наклонился к посетителям и полуинтимным голосом поинтересовался: – Вы сейчас были в номере убитой? Что с ней случилось? Что говорит полиция?

Элка прикоснулась губами к черной коктейльной трубочке, чуть втянула в себя содержимое бокала, удовлетворенно промычала чего-то и ответила вопросом на вопрос:

– А с чего вы взяли, что мы там были?

Бармен усмехнулся:

– По утрам я работаю в ресторане. Понимаете, в не сезон в отеле работает минимум персонала, так что приходится совмещать сразу несколько обязанностей. Так как с утра в бар редко кто заходит, сегодня я, как обычно, руководил официантами, обслуживающими посетителей за завтраком. И, соответственно, видел и слышал все, что говорил вам и вашим соотечественникам этот ажан. А еще я видел, что месье полицейский сразу оценил вас как переводчика. Тут надо быть последним идиотом, чтобы не догадаться, что будет делать юная красотка, получившая доступ к расследованию убийства. Могу поспорить на бочку местного пива, что вы прицепились к детективу как пиявка и не упустили возможность посетить место преступления. Ставлю еще бочку, что при виде трупа вам стало плохо и вы быстренько из номера Мориши убрались. Я не прав?

Элка одним глотком осушила запотевший стакан на треть, хмыкнула и согласилась:

– Вы абсолютно правы, все так и было. А откуда вы знаете, как зовут потерпевшую? У вас такая замечательная память на русские имена или вы с ней раньше сталкивались?

Официант, ничуть не смутившись, ответил:

– Предположим, имя у нее вовсе не русское, а польское. Мне Мориша сама об этом рассказывала. Как и о том, что она родилась в глухой сибирской деревне и что ей приходится содержать престарелых родителей, которые до сих пор живут в этой самой Сибири. Я и не собираюсь скрывать, что видел мадам Ларски не в первый раз. Вы поймите, вся эта... – Бармен развел руками, словно не мог подобрать нужные слова, – русская... ммм... как они сами себя называют, «тусоука» мне очень хорошо знакома! Одни и те же люди приезжают каждый год, пьют одни и те же напитки, творят одни и те же безобразия, и ничего в их поведении не меняется. Да, я их всех знаю – их привычки, предпочтения и манеру поведения. И практически каждый из них хоть раз напивался в этом баре и в нетрезвом виде рассказывал мне о своих проблемах. А я их слушал – у меня работа такая! Для иных людей бармен лучше любого психотерапевта! А стоимость сеанса включена в выпивку.

Бармен подхватил полотенце и принялся надраивать латунный пивной кран.

Блин, зачем он все время что-нибудь полирует? Какой-то профессиональный онанизм, честное слово!

Помолчав немного, бармен добавил:

– Правда, обычно «тусоука» поднимает на уши курорт только зимой, на каникулах. А в этом году они почему-то почти полным составом приехали летом. Но, как оказалось, и в это время года они ведут себя как обычно. Месье Кац уничтожает водочные запасы, его девушки поголовно хлещут Baileys мятно-шоколадный, спутницы месье Никифорова налегают на тот же ликер, но кофейный, а мадмуазель Белла предпочитает «Кровавую Мери», в которой водки намного больше, чем сока! Да еще и с большим количеством «Табаско». Я удивляюсь, как она может пить этот истинно мужской напиток! Представляете, Белла вчера выпила четыре таких коктейля! Любой француз упал бы замертво, а она только покраснелась чуть-чуть!

Бармен восхищенно присвистнул, обозначая свое уважение к стойкости мадам Беллы, а затем продолжил перечислять алкогольные пристрастия постоянных клиентов из России:

– А Мориша заказывает, – тут он споткнулся, вздохнул и поправил сам себя: – заказывала... Так вот, она не имела никаких предпочтений, заказывала совершенно разные коктейли – но без алкоголя. Еще при нашей первой встрече Ларски предупредила меня, что никогда никуда ей нельзя добавлять спиртное. Сказала, что у нее ужасная аллергия. Так что каждый раз, когда она себе что-нибудь заказывала, я делал все как обычно, но без бренди, водки или martini.

Знаете, мне всегда казалось, что никто из ее спутников не догадывался о том, что Мориша трезва как стекло. Она пила наравне со всеми, в определенные моменты выглядела нетрезвой и даже иногда изображала похмелье перед друзьями. Но я-то знал, что бедная девушка не выпила ни капли спиртного! Два глотка бренди могли просто ее убить! – Бармен покачал головой, сокрушаясь над страданиями бедненькой Ларски.

А в Элкиной голове разом вспыхнул ворох вопросов – это ж надо, с каким удачным человечком удалось разговориться! Да если этого бармена потрясти, нароешь столько, что о-го-го! Можно биться об заклад – парень от пьяных русских таких откровений наслушался, что представить себе невозможно! Наш человек, он же какой: пока трезвый, пуска пусей, а как «стописят» грамм в лоб ударит – наизнанку перед посторонним человеком выворачиваться начинает, погостить к себе в Сыктывкар заманивает и всю жизнь свою горестную рассказывает. Так что...

– Похоже, что ее задушили. Поясом от собственного халата. Конечно, официальные результаты будут известны только завтра утром, но на первый взгляд все указывает на то, что в номер вошел кто-то, кого пострадавшая хорошо знала и поэтому сама впустила, не ожидая нападения. Также на ее знакомство с убийцей указывает тот факт, что девушка переодевалась в присутствии преступника и в какой-то момент просто повернулась к убийце спиной. Именно в этот момент на ее шее оказался шелковый пояс от халата.

Месье д'Ансельм появился в баре в крайне неподходящий момент. Как только Элка открыла рот, чтобы начать приставать с вопросами к красавцу-бармену, так тут же скрипнули двери бара и в полутемное помещение ввалились двое – детектив и Сашка.

– Ваш спутник оказал мне большую любезность и сообщил, где можно вас найти! – слегка грассируя, сообщил француз, галантно расшаркиваясь перед Элкой.

– Отбиться от этого копа не было никакой возможности! – приветливо улыбаясь детективу, по-русски пожаловался хозяйке Сашка.

– Да и ладно! – махнула рукой Элка и обратилась к французу: – Вы присоединитесь к нам? Можно пойти в основной зал или же устроиться здесь. – Жестом академической балерины она указала на крохотные столики с неудобными стульями.

Решили никуда не ходить. Детектив заказал себе глинтвейн, телохранители взяли по чашке кофе. Вчетвером они кучкой сбились за маленьким столиком, предназначенным для того, чтобы ожидающий столика в ресторане посетитель мог просто присесть с бокалом аперитива, но никак не для длинного разговора трех здоровых мужиков и вертлявой девушки.

Ну да и ладно – в тесноте, да не в обиде.

Повисла неприятная пауза – из тех, когда малознакомые люди собираются в одной компании и никто не знает, с чего начинать разговор.

Элка, по причине своего не самого лучшего в мире воспитания, этой паузой быстро притомилась.

– А почему вы в середине дня летом пьете горячий алкоголь? – невинно глядя на лошеного детектива, поинтересовалась она.

Тот поперхнулся, растерянно посмотрел на часы и пояснил:

– Ну, я думаю, что пять часов после полудня – это достаточно приемлемое время для легкого вина.

У Ёлки округлились глаза, она вытащила из кармана любимый Vertu, посмотрела на экранные часы и присвистнула:

– Ого, а ведь действительно уже пять часов вечера! Сегодня время летит просто с невероятной скоростью!

Француз кивнул, глядя на дорогущую мобилу в девичьих руках, и продолжил:

– А во-вторых, я продрог. Мне пришлось проводить коллег до машины, а погода на улице испортилась. Там сейчас довольно прохладно, похоже, что вот-вот грянет дождь. Так что я не вижу ничего предосудительного в том, чтобы угостить себя горячим глинтвейном. К тому же здешний бармен потрясаяще его готовит.

Трое русских – Элка и телохранители – переглянулись. Сашка хмыкнул:

– Похоже, вам часто приходится бывать в этом отеле? И все время по служебным надобностям? Русские безобразничают?

Француз пожал плечами – мол, где-то так – и сменил тему:

– Извините за нахальство, но я раньше не видел вас в наших краях. По долгу службы мне часто приходится сталкиваться с русскими гостями из Москвы, но вы здесь в первый раз. Я прав?

– Абсолютно правы. Я действительно раньше здесь не была. Может, потому что я не из Москвы?

У иностранцев сложилось странное мнение о России – вы даже не подозреваете, что у нас есть и другие, не менее прекрасные города!

Вот, ну и зачем она этот разговор завела? Кто ж знал, что у импозантного французского полицейского любимая тема для разговора – это его родословная (Дамы и господа! Весь вечер на арене шарпей-чемпион и его медализированные предки!) и что часть этой родословной тесно связано с великой страной – Россией.

– Вообще-то я прямой наследник генерала д'Ансельма! – гордо задрал породистый профиль, возвестил местный легавый. – Корни моей семьи уходят глубоко в историю!

Угу. Пингвины идут на фиг, а Эдита Пьеха живет этажом ниже. Славянский шкаф продан. Началось сказание о родовых достижениях.

Уж кто-кто, а Элка, регулярно выслушивающая снобистские разговоры папиных знакомых – настоящих и за-деньги-приобретших-себе-аффиженный-титул дворян и князей, прекрасно знала, что человек, кичащийся своей фамилией, способен вещать о себе великом и своих пращурах по несколько часов, не затыкаясь!

И, похоже, в настоящий момент француз завел именно такой разговор, так что следовало срочно заткнуть лягушатника или попытаться смыться от него подальше. Иначе вечер окажется похеренным.

Француз никак не ожидал подляны от столь милой девушки, коей ему Элка сначала показала, и самостоятельно не заткнулся, за что и поплатился.

– Видите ли, – горделиво вещал француз, – наша родословная некоторым образом связана с Россией. Наш род даже одно время правил русскими! Мой дед...

Все, надоел. Тоже мне, правили они нами! Ага, щаз! Еще чего не хватало!

– Извините, что перебиваю, но мне хотелось бы уточнить, – с совершенно ангельским выражением хитрющей физиономии вклинилась в высокопарный монолог Элка. – А ваш дед...

Жутко польщенный вниманием к своему пращуру, детектив мило улыбнулся, мол, да-да, слушаю вас внимательно! А Ёлка, казень такая, продолжала:

– Про какого именно генерала д'Ансельма вы говорите? Про того, который позорно бежал вместе с наполеоновскими войсками из России в восемьсот двенадцатом году? Или, употребив выражение «правил русскими», вы имели в виду того самого д'Ансельма, который некоторое время руководил союзническими войсками в Одессе? Того, что сдал город большевикам, хотя имел значительное численное превосходство над противником? Или...

Договорить ей не дали. Побагровевший от ярости француз поперхнулся остатками глинтвейна, закашлялся, со стуком опустил бокал на столик и вскочил. Похоже, он не на шутку обиделся и оставаться в одном помещении с образованной русской хамкой больше не желал – иначе с чего бы это так подорвался с места?

Глава 3

– О, вот что значит галантные французы! Наши валенки даже не подумали бы встать при появлении девушки в помещении!

Бростовская помощница появилась в самый нужный момент. Еще бы секунда, и детектив вылетел из бара, навсегда лишив Элку возможности поучаствовать в расследовании.

Эта сухопарая, подтянутая, стильная до кончиков волос дама мило улыбнулась вскочившему при ее появлении детективу, презрительно оглядела Элку и телохранителей и, высокомерным жестом указав французу, что можно уже садиться, профланировала к барной стойке.

Снежная королева, явление четвертое! Пасс ее руки оказался столь повелительным, что д'Ансельм, словно загипнотизированный, послушно опустил мускулистую задницу обратно на стул. А повернувшаяся ко всем спиной леди – правая рука Броста уже не обращала на него, равно как и на остальных присутствующих, никакого внимания. Она уселась на высокий стул и маленькой нежной пчелкой чего-то зажужжала обольстительно улыбающемуся бармену.

– Вот это женщина! – восхищенно пробормотал сконфуженный детектив. – Это у нас...

Он, все еще смущаясь, торопливо полез в свой портфель и выудил оттуда распечатку – идеально ровный, без единого залома или сгиба листок с фамилиями постояльцев отеля.

Осознав свою пусть правую, но все же неприемлемую при дипломатических переговорах позицию, Элка начала прогибаться перед французом, как русская березонька. То есть низенько и изящно. Потому как ругаться с этим снобом в ее планы вообще не входило! А то ведь действительно, придет к нему специально обученный переводчик, и тогда отстранит обиженный полицейский Ёлку от следствия – кому ж это надо? Никому не надо!

Так что зачехляем национальную гордость и принимаемся подлизываться к руководителю следственной группы!

– Это помощница господина Броста, – Элка сунула нос в распечатку, пробежала глазами, увидела в нем только одну неизвестную ей фамилию и ткнула в нее пальцем, – мадам Статская. Вот! Слушайте, а почему у вас основной список состоит из девяти человек, а снизу отдельными группами еще фамилии? Это какой-то специальный метод разделять подозреваемых?

И дочь известного российского министра подобострастно уставилась на французского детектива.

Тот подхалимаж скушал. Или, по крайней мере, сделал вид, что скушал, – только что пылавший праведным гневом полицейский положил листок перед собой и доброжелательно пояснил:

– Основной список – это гости отеля. Здесь месье Брост и его помощница Статская, некто Кац, месье Никифорофф, чета Нахимовых и вы со своими телохранителями. А два отдельных списка – это... – француз замялся, подбирая максимально деликатное определение, – ...спутницы Михаэля Никифорофф и Михаэля Каца. Мы их выделили в отдельную группу. С каждой из них будем разбираться чуть позже.

Детектив чуть брезгливо поморщил нос, упомянув о «спутницах».

– Вы не против, если я воспользуюсь моментом и побеседую с мадам Статска́я прямо сейчас? – чуть помолчав, обратился он к Элке.

– Ну вот, все-таки я его вывела из себя... – по-русски пробормотала Ёлка, обращаясь к телохранителям. – Ну что, верные мои рыцари, валим по домам, раз уж от нас так деликатно избавляются?

– Элк, ты чего? – непонимающе уставился на нее Женька. – Он же, наоборот, намекает тебе на то, что хотел бы поговорить со Статской! А без тебя они друг друга не поймут! Тебя сейчас попереводить попросили, знаток истории ты наш!

А! Вон оно чего! Да конечно, пожалуйста! В любое удобное для вас время!

Элкина физиономия озарилась дружески-приветливой улыбкой, девушка встрепенулась и изобразила очередной прогиб:

– Конечно! Всегда к вашим услугам! Пригласить даму?

Этот идиотский разговор длился уже полчаса. Француз в седьмой раз спрашивал, кто может подтвердить показания «мадам Статска́я», мадам юлила. Элка начала уставать. Ну сколько можно! Не допрос подозреваемой, а унылая песня про ямщика. Все одно и то же на довольно-таки утомительный мотив.

– Итак, как вы провели вчерашний день? – Похоже, у этого генеральского внука просто стальные нервы! Не получив внятного ответа, детектив терпеливо выслушивал весь тот бред, что несла допрашиваемая, кивал головой и задавал тот же вопрос по новой.

– Я же вам только что все рассказала! – Лицо Бростовской помощницы оставалось невозмутимым.

– Вы мне рассказали, что у вас очень ответственная должность и что сюда вы приехали не отдыхать, а работать. Чем именно вы занимались вчера, я так и не услышал.

Детектив смотрел на собеседницу с добрым ленинским прищуром. Статская отвечала ему взглядом ядовитой кобры в террариуме:

– Я разбирала бумаги. Писала тексты. Совещалась с коллегами из Москвы. У меня действительно очень много работы! Мне совершенно некогда отдыхать!

– Мне бы хотелось знать по минутам – когда именно вы отвечали на звонки, а когда разбирали бумаги. Кто видел вас за работой? Где именно вы занимались делами?

Помощница высокомерно подняла правую бровь и попыталась изобразить удивление на гладком холеном лице:

– Что значит «где?» А где, по-вашему, я могла заниматься делами?

– Например, в холле отеля. Насколько я знаю, в номерах не установлены факсимильные аппараты, и, для того чтобы отправить какой-нибудь текст в Москву, вам пришлось бы спуститься к стойке администратора. Или вы могли вести переговоры в ресторане, многие деловые люди так поступают. А еще можно говорить по телефону, сидя на террасе отеля. Вариантов много! И в большинстве из перечисленных мною случаев вас видели бы сотрудники отеля или посетители. Именно поэтому я вас спрашиваю: где вы занимались своими делами?

Элке показалось, что лицо помощницы резко побледнело – это было видно даже через идеально нанесенный слой косметики.

– Может, вы не в курсе, господин полицейский, но во всем мире уже лет пять как никто не пользуется факсом! Если бы мне понадобилось отправить какой-то текст, я бы сделала это по электронной почте! – Статская презрительно поджала губы. – А вести переговоры в общественных местах просто неприлично! Во-первых, окружающих обычно раздражает, когда кто-то рядом постоянно говорит по телефону, а во-вторых, большая часть моего общения с людьми из Москвы конфиденциальна. Это вам понятно?

Француз, казалось, совершенно не замечал, что его собеседница начала заводится и психовать. Он продолжил допрос все в той же дружелюбной манере:

– То есть вы работали в номере? Кто может это подтвердить? Расскажите мне, что именно и в какой последовательности вы делали?

Всё, опоры моста рухнули и плотину прорвало. Бростовская правая рука взорвалась и почти заорала:

– Вы хотите, чтобы я прямо сейчас вспомнила, чем я вчера занималась? Мне для этого надо заглянуть в ежедневник! Я не могу держать все в голове! И что, меня надо подозревать в убийстве только потому, что я весь день не выходила из номера? Да, я ни с кем за весь день не сталкивалась! Я работала допоздна, потом приняла душ и легла спать! И никто меня не видел!

Вообще-то бармен и до этого момента изображал из себя летучую мышь – то есть завис в одной позе и направил свои уши-локаторы в сторону беседующей компании. Даже грустную французскую музыку при появлении посетителей приглушил. Ну а уж в тот момент, когда Статская взорвалась, красавчик вообще сильно напрягся и чуть не упал с обратной стороны стойки – так от любопытства в зал перевесился.

Такое его поведение Элку с самого начала насторожило – и, поддавшись какому-то непонятному чутью, она переводила ответы Статской на французский заведомо тихо, чтобы за стойкой ее не было слышно. Гневные восклицания женщины Ёлка почти прошептала на ухо детективу, указывая глазами на бармена.

Детектив ее понял правильно. Он прикусил нижнюю губу, чуть помолчал, а затем произнес:

– Раз мадам нужен ежедневник, то я считаю, что есть смысл продолжить беседу чуть позже. Я вас вызову. А пока, если несложно, поднимитесь к себе в номер и постарайтесь поминутно восстановить события вчерашнего дня. Спасибо за беседу.

Ёлка перевела. Статская поднялась со стула и, не попрощавшись, направилась, вилля бедрами, к выходу. Буквально за несколько секунд до того, как она покинула помещение, француз окликнул ее:

– Я прошу вас зайти к вашему шефу, месье Бросту, и попросить его спуститься из номера вниз, для беседы со мной. Только передайте, что я жду его в ресторане, а не здесь.

И тут случилось то, что случилось. Преследуемая своими личными корыстными интересами, Ёлка все перевела на русский. Все – но с небольшими изменениями в тексте:

– Месье д'Ансельм просит вас зайти к вашему шефу и сообщить ему, что ровно через час господин детектив ждет его в ресторане. Вы свободны. Время пошло. – И Ёлка озорно улыбнулась опешившим телохранителям.

– Ну и куда же запропастился этот телемагнат? – Месье Этьен Анатоль д'Ансельм нервно постукивал кончиками пальцев по белоснежной скатерти поглядывая на часы. – Неужели это у вас в крови – никогда и ничего не делать вовремя? Откуда такое неуважение к представителю закона? Мадам Статска'я ушла десять минут назад, а ее начальник до сих пор не появился!

Ёлка виновато шмыгнула носом и заступилась за соотечественников:

– На самом деле дама ни в чем не виновата. Это я заведомо неверно перевела ей вашу просьбу. Я сказала, что ее шеф должен появиться здесь ровно через час, а не сразу же...

Телохранители синхронно улыбнулись. Детектив озадаченно посмотрел на девушку:

– Позвольте поинтересоваться, зачем вы это сделали?

Блин, ну вот как ему объяснить? Что просто накатило? Что Ёлке нужно было время для «просто поболтать» с детективом? Что это прихоть у нее такая в определенный момент случилась?

– Честно? Я сама до сих пор не знаю, зачем я это сделала. Может, потому что мне очень хотелось поговорить с вами, узнать подробности этого преступления, задать несколько вопросов. Это, конечно, здорово, что вы доверили мне переводить разговоры, но мне чисто человечески интересно все, что связано с этим убийством. Поймите, Мориша была довольно скандальной личностью, в России у нее даже фан-клуб имелся! Вчера в этом отеле погибла известная журналистка, писательница! Я, волею судеб, оказалась в самом центре событий, рядом с профессиональным следователем, и что? Я всего лишь перевожу как попугай...

Вообще-то, похоже, детектив ее настроение понял. Он внимательно смотрел на путающуюся в показаниях Элку, и в его глазах читалось что-то вроде уважения. Но так ли это было на самом деле, или же просто Ёлке очень хотелось увидеть понимание со стороны француза, осталось невыясненным. Потому что договорить им не дали.

В воздухе вдруг что-то заколыхалось, запахло грозой, и по ценному деревянному паркету волнами разошелся грохот каблуков мадам Нахимовой. Мэрская чета приперлась отужинать.

Хотя, если говорить честно и цинично, жрать на ночь тумбообразной жене чиновника вовсе не стоило. Для фигуры это вредно – после шести наедаться.

Этой мымре вообще рот зашить следовало бы. Чтобы не жрала – это раз. И чтобы гнусности всякие не говорила – это два. А то тоже мне, взяли бабы манеру – хамить посторонним людям!

– Таточка, ты посмотри! Ну разве это приличное заведение? Я не смогу спокойно есть в присутствии всей этой швали! – поджав губы, прогундосила супруга главы города Черноморска.

Телохранители нахмурились. Француз, разумеется, не понял слов этой индюшки, но прекрасно просек интонацию – и тоже недовольно сдвинул брови. Элка скрипнула зубами.

Детектив наклонился к Сашке и что-то шепнул ему на ухо. Тот, ни на секунду не задумываясь, перевел ему сказанное этой неприятной женщиной. Д'Ансельм нахмурился еще больше.

– Надо папе позвонить, – громко произнесла Ёлка и нарочито вульгарно потянулась. – Сказать ему, что тут какая-то мартышка дочь министра Хорошевского швалью обозвала. Как вы думаете, господа, – Элка демонстративно обратилась к телохранителям, – мой высокопоставленный папа мэра курортного городишки просто с должности снимет или еще и статью какую-нибудь ему вдогонку прицепит? Можно, например, пришить дело об оскорблении представителя власти дружественного нам государства... – И она вызывающе вперила взгляд в свиныечки глазенки нахимовской супруги.

Эту ее фразу Сашка тоже перевел француз. Просто так, чтобы тот был в курсе, что вокруг него происходит.

Детектив изобразил на лице такую пуленепробиваемость, что индюшкин муж икнул. И только потом до него дошел смысл сказанных Элкой слов. Мэр икнул еще раз – и значительно громче, чем до этого.

Жена его оказалось не столь сообразительной. Услышав Ёлкину речь, она было открыла рот, чтобы дать зазнавшейся малолетке достойный отпор, но тут же согнулась пополам от последовавшего со стороны мужа удара локтем в бок. Дама захрипела, начала заваливаться и рухнула на подставленный невесть откуда появившимся официантом стул. Мэр остался стоять столбом – бледнее и хватая воздух сведенным судорогой ртом.

Детектив и Элкины телохранители переглянулись. И эти их взгляды не предвещали семейству Нахимовых ничего хорошего.

– Вы вовремя появились. Я уже собрался послать за вами полицейского. Мне необходимо вас допросить, – чеканя слова, как новобранец строевой шаг, произнес д'Ансельм. – Проследуйте ко мне.

Элка даже его металлическую интонацию повторила, переводя вышесказанное ошарашенным русским. Вот прям с удовольствием она все это сказала! Угрожающе! Даже слово «подозреваемые» вернула! Для пушего испуга.

Интонация, металлический голос и «подозреваемые» сработали. Нахимовы вытянулись в струнку и нога в ногу дошагали до столика, за которым расположились детектив и Элка с телохранителями.

Сашка с Женькой чуть раздвинулись, прихватили два стула от ближайшего стола и поставили их перед бледными Нахимовыми. Те дружно плюхнулись на задницы.

Француз щелкнул замком портфеля, ловко выудил из его недр ежедневник в кожаном переплете, достал ручку и только после этого нарушил гробовую тишину, висевшую в ресторане:

– Что вы делали вчера? Подробно. Ну? – Детектив презрительно-угрожающе посмотрел на притихших Нахимовых.

Он вообще вел себя с ними очень сурово. Говорил твердо, в его серых глазах ясно читалось недоверие.

– Мы... – Мадам Нахимова суетливо поправила пергидрольные кудряхи и подобострастно затараторила: – Мы вчера проснулись утром, супруг мой принял душ, и мы спустились в пищеблок позавтракать.

У Элки аж глаза на лоб полезли! Это же надо, уютный ресторан с чашкой кофе за 12 евро и паркетом, стоимость которого не менее двух тысяч евро за квадратный метр, обозвать «пищеблоком»! Они там, в районе Сочи, вообще, что ли, нюх потеряли???

– После завтрака мы поднялись в номер. Я прилегла поспать. Муж разбирал бумаги. Он у меня занимает...

В этом месте Элка не удержалась и пробурчала себе под нос многозначительное «пока занимает».

– ...занимает... – блеющим голосом повторила толстая дама, – высокий пост, он постоянно работает, буквально все силы и здоровье тратит на благо своего региона! Так вот, пока я спала, муж работал. Потом я проснулась, мы пошли пообедать. Это было примерно с трех до четырех часов дня. После обеда мы опять поднялись в номер. Там я смотрела телевизор, а мой супруг что-то печатал. Вы знаете, он привез с собой ноутбук и нигде с ним не расстанется! А затем, часов в восемь, мы спустились ужину. Это может подтвердить прислуга.

– А после ужина вы вновь поднялись в номер и спали и смотрели телевизор! – раздраженно закончил за женщину детектив и повернул к Элке негодующее лицо: – Ну как так можно?! Они приехали в один из самых прекрасных уголков земного шара и, вместо того чтобы гулять, наслаждаться здешними красотами, сидят в номере и едят! Как так можно?!

Элка цыкнула зубом и мрачно добавила:

– Кстати, вы заметили, что она даже душ не приняла? Муж с утра поплескался, а она до водных процедур так и не дошла. Кстати, а из-за чего у вас вчера утром произошла ссора с убитой? – Последнюю фразу Элка по-русски адресовала Нахимову. Именно ему, а не жене.

Сашка вполголоса перевел ее вопрос французу. Тот изумленно вскинул бровь, но тут же взял себя в руки. Его лицо снова стало непроницаемым. Он требовательно посмотрел на испуганных Нахимовых. Мол, я жду ответа!

Овцы блеяли, трава зеленела, а суровые чабаны планировали попить чайку.

– Мы... Это... Она... – Мэрская жена, и до этого-то момента не отличавшаяся связностью речи, совсем сбилась, заюлила и понесла какую-то ахинею: – Она... Она нам угрожала! Она писала ужасные статьи! Она клеветница, сующая нос не в свои дела! Ее все ненавидели!

Детектив довольно скоро въехал в ситуацию. Он легонько шлепнул ладонью по столу, перебив этим жестом причитания истерившей женщины, и спросил:

– На основании чего вы обвиняете пострадавшую в клевете? Мне нужны факты, ну? Или вы всегда голословно обвиняете и оскорбляете людей? Не знаю, как у вас, а в нашей стране есть такое понятие – «клевета». И это довольно серьезная статья!

Мадам Нахимова вдруг подпрыгнула на стуле и пренебрежительным голосом взвизгнула. Ага, похоже, это ее супруг со всей силы пнул под столом – чтобы лишнего не говорила. А вообще очень уж они интересная семейка – он красивый, солидный мужчина, она же – дурная страшная курица. Но говорит в основном она (не по делу, правда), а муж то, вон, в бочину ей зарядил от души, то по ногам со всей дури пинает... Интересно, что их связывает? Неужели вот прям любовь такая неземная?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.